

Леонид Дроздов

ЗАКАТ НАД КВАНТУНОМ

落日的關東

16+

Леонид Дроздов
Закат над Квантуном

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Дроздов Л. В.

Закат над Квантуном / Л. В. Дроздов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

1904 год. Размеренную жизнь дальнинского судебного следователя нарушает разразившаяся война с Японией. Квантунский полуостров оказывается в эпицентре событий, а город Дальний - одной из ключевых точек шпионской борьбы. Привычные уголовные дела кажутся легкой разминкой на фоне растущей угрозы с Востока. Непростые решения и тяжелейшие испытания не заставят себя ждать...

© Дроздов Л. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

(Конспирологический роман)

В эти дни испытанья и муки
Смерть близка нам... И ночью и днем,
С каждым часом ждем вечной разлуки
С сыном, с братом, с любимым отцом...

Гром ударил над жизненной нивой!..
Нет кругом ни единой семьи,
Где бы смерть, как рыбак молчаливый,
Не раскинула сети свои!

Плачь, о Родина! Лучшие дети,
В блеске юных стремлений и сил,
В эти страшные ловятся сети
И ряды пополняют могил.

Плачь над ними, но духу живого
Не губи! В эти тяжкие дни
Там, средь ужасов края чужого,
Не сгубили его и они!

С сердцем, чуждым тоски и смятенья,
За тебя они крест свой несли,
С скромным мужеством в грозном сраженье
За тебя они в поле легли.

С твердой верой в победу России,
В новой славы грядущий восход...
Не страшны нам могилы такие,
В них народная доблесть живет!..

(Е. Никонов, «В эти дни испытанья», Октябрь 1904)

ЧАСТЬ I

Мир без войны

1. Коммивояжер

Однако всему надо знать меру. Когда вам навязчиво и императивно в третий раз за две недели предлагают внести благотворительный взнос, да еще и рекомендуют какой, это переходит все границы и вызывает естественное отторжение.

Так думал Антон Федорович Горский, разглядывая щеголеватого юнца с нафабранными усами и наглой физиономией, снова явившегося к нему в камеру.

– Позвольте, любезный, не слишком ли часто вы одариваете нас с Алексеем Владимировичем своим визитом? Ей-Богу, будто к себе на службу ходите!..

Пучеглазый рассыльный в утепленном пальто несколько не смутился. Видно, не единожды сталкивался с подобными возражениями:

– Как можно-с, ваше благородие? Неужто вам не жаль лиц, попавших в нужду?.. – взывал к милосердию сборщик благотворительных взносов. Знал, стервец, на что давить.

Глубоко вздохнув, судебный следователь извлек из внутреннего кармана тужурки «кана-рейку» и положил ее на стол. Только вот забирать бумажный рубль рассыльный не спешил.

– А вот Алексей Владимирович изволили дать «синенькую», – упрекнул Антона Федоровича юнец, пренебрежительно покосившись в сторону кредитного билета.

– Алексей Владимирович – надворный советник, а я – всего лишь титулярный! – вспыхнул Горский, повысив голос. Вытащив из кармана «трешку», он с великим неудовольствием и явным раздражением швырнул ее к первоначальной сумме. – Извольте!..

– Благодарю-с! – ележно улыбнулся пучеглазый вымогатель, расторопно спрятав деньги. – Ваша щедрость будет вознаграждена! Вот ваш билетик! Ждем ваше благородие во вторник, 6 января, в театральном зале Общественного собрания!

– Еще один такой благотворительный вечер и я сам стану «лицом, попавшим в нужду», – язвительно бросил титулярный советник, рассматривая незатейливый пригласительный.

Рассыльного и след простыл.

Не в силах сдержать сочившееся негодование, Горский пошел изливать душу к Алексею Владимировичу. Своего патрона он нашел в зале заседаний: с увесистой цепью на шее, но в партикулярном платье, тот просматривал какие-то бумаги, попивая чай.

– Это несносно!.. – заявил судебный следователь, ткнув пальцев в сторону двери.

– Что ты так вскипятился, Антуан? – мировой судья в чине надворного советника поднял короткостриженую голову, блеснул аккуратным пенсне, разгладил пышные усы. За последние месяцы он, кажется, стал еще толще. – Никто из нас не безгрешен, поэтому надо ценить любую возможность совершить благое дело.

Но Горский его будто не слышал.

– ...Сперва они собирали деньги на детскую елку к 25 декабря, затем на новогодний обед для старших служащих и вот теперь на крещенский базар с маскарадом! Не многовато ли сборов?

– От тебя не убудет.

– Как посмотреть, Алексей Владимирович! Сами знаете, что с тех пор, как Государь сместил Витте с поста министра финансов, ассигнования на развитие Дальнего сильно сократились. Причем секвестированию подверглись и жалованья нас с вами, служащих.

– Великая беда: вместо 120 рублей стал получать 100! Это всяко больше, чем бы ты имел в своем Киеве. Другой бы радовался на твоём месте!

– Все верно. Только вы не учитываете квантунских цен. Давно ли на рынке бывали? Так я вам скажу. За фунт гнилой картошки 10 копеек просят! За уток и кур – по рублю! Совсем стыд потеряли китайцы! Спекулируют на слухах о войне, искусственно создают продуктовый дефицит.

– И ты туда же? – снисходительно улыбнулся судья. – Не будет никакой войны. Кому она нужна, война эта?

– Известно кому: англичанам и американцам.

– Ну, знаешь ли... А насчет рыночных торговцев ты прав: нешто распоясались манзы. В Порт-Артуре, говорят, продовольствие еще дороже, чем у нас.

Повздыхали, поохали еще с несколько минут, да и вернулись каждый к своим обязанностям.

И все-таки денег было жалко. «Трешка» на Рождество, два рубля на Новый год и вот сейчас еще четыре. И ведь ни на одно из вышеназванных мероприятий Антон Федорович не пошел: на елку – потому что своих детей нет, на Новый год – потому что ну их к черту этих «старших служащих».

В Дальнем искони сложилась удивительная сегрегация общества, представлявшая собою две привилегированные касты: старшие служащие и младшие служащие. Первые считались элитой. Для них собственно и было построено здание Общественного собрания или 1-е собра-

ние. Туда жаждали попасть все, но не все могли потянуть взимаемые там сборы. Поэтому в последнее время (ввиду кризиса, связанного с недостаточным финансированием города, и, как следствие, снижением жалований) «благородия» и их семьи стали чаще выбирать 2-е, менее претенциозное собрание. Прошли те времена, когда балы устраивали за счет бездонной дальнинской казны.

Второй Новый год на Квантуне Антон Федорович снова провел у своего друга, помощника управляющего Морским пароходством К.В.ж.д. лейтенанта флота Унгебауэра. Не в пример прошлогоднего празднества выпили мало, съели еще меньше, веселились осторожно. Будто бы даже и неприлично радоваться, когда в воздухе пахнет войной.

6 января – крещенский базар и маскарад. Базар – очередное выкачивание денег. Мало им, бессовестным, четырех рублей? Маскарад и вовсе пустое, ребячество. Разумеется, никуда он не пойдет. Снова, считай, выбросил деньги на ветер.

Горский в который раз тяжело вздохнул и поглядел на отрывной календарь, висевший на стене. 2 января, пятница – первый присутственный день 1904 года начался отвратительно. В этом, возможно, не было ничего символического, но что-то внутри Антона Федоровича подсказывало, что год будет непростым...

Вечером, вернувшись к себе домой на Часовенную, Горский первым делом принял горячую ванну. Слуга Ким растворил в кипятке лавандовую соль, отчего мыться было одно удовольствие. С бодрым настроением и зверским аппетитом приступил титулярный советник к ужину, как вдруг заметил одиноко лежавший на подоконнике листок. Прочитав его, Антон Федорович криво усмехнулся. В художественной телеграммке, датированной 22 декабря 1903 года, содержался призыв к добровольной подписке для проведения детской рождественской елки 25 декабря.

Стало быть, совсем мало денег собрали, раз накануне Рождества к нему в камеру приходил тот самый пучеглазый сборщик благотворительности.

Пожутив слугу за то, что вовремя не показал сей листок, судебный следователь велел впредь всю получаемую на его имя корреспонденцию передавать ему тотчас и сразу.

Утром следующего дня не успел Горский войти в присутствие, как к нему тотчас подошел Алексей Владимирович. Надворный советник выглядел несколько сконфуженным.

– Что-то серьезное? – понял Антон Федорович.

– Как знать... – не решался начать мировой судья. – Давеча ужинал с Тиммом. Так совпало. Ну и решил у него узнать, так сказать, из чистого любопытства: сколько он-де сдал на грядущий крещенский базар. И знаешь, что он ответил?

– Что же?

– Что он не понимает, о чем речь, ибо самый базар и последующий маскарад не предполагают предварительных подписок...

– Вот как!.. Стало быть, мы с вами... обмишурились?..

– Получается, что так... – растерянно пробормотал Алексей Владимирович.

– Экий подлец!..

– Ты уж его найди, пожалуйста, этого мерзавца пучеглазого...

Разочарованию судебного следователя не было предела. Так легко повестись на дудку молодого проходимца! Интересно, скольких еще господ он таким образом обобрал?

Далее разочарование сменилось на лютый гнев. Горскому захотелось растерзать предприимчивого «благотворителя», самолично набив оному морду. Да как он посмел??

Немного остыв, титулярный советник первым делом принялся составлять словесный портрет мошенника. Сделать это оказалось очень легко – нафабранный фронт точно стоял у него перед глазами.

Помимо тонких крашенных усов и глаз навывкате, ушлый юнец выглядел так: субтильного телосложения, росту 2 аршина и 8,5 вершков, волос темно-русый, ровный пробор на правую сторону, нос прямой, подбородок чуть раздвоенный, уши прижатые. Одет в утепленное пальто с бежевым башлыком, без головного убора (что для января рискованно). При себе имел черной кожи портфель, на руках черные же перчатки. Не густо...

Сим словесным портретом Горский снабдил полицейских надзирателей, велел им во что бы то ни стало отыскать мошенника. При этом ему не требовалось беспокоить господина полицмейстера, потому как отношения с «частными приставами» у Антона Федоровича сложились отменные. Особенно после того, как вместо уволившегося Куроедова надзирателем Административного городка стал расторопный и внимательный Дминский.

Отпустив последнего полицейского надзирателя, судебный следователь задумался над тем, как вычислить подлого благотворителя (простите за оксюморон). Оказалось, что об этом же размышлял и мировой судья. Надворный советник заглянул к своему подчиненному со стаканом чая.

– Думаешь, полиция его найдет? – скептически спросил судья, усаживаясь напротив.

– Не знаю, Алексей Владимирович... Зацепок мало.

– Ну, ты ведь и не такие дела распутывал, справишься и с этим! Надо только начать анализировать.

– Что ж, давайте попробуем, – приободрился Горский. – Вас ничего не удивило в его внешности?

– Пучеглазый малость...

– Таких хватает, это не так уж и примечательно. А ещё?

– Лощёный весь, точно жених на свадьбе.

– Таких еще больше! Ну же, Алексей Владимирович!

– Сдаюсь.

– Вспомните, какой прибор был у него на фуражке.

– Гм... Не помню.

– А знаете почему? Потому что он был без фуражки!

– А и вправду. Но что же в этом удивительно? Забыл, стало быть.

– Странно как-то, не находите: в январе без головного убора?

– И всё-таки он мог ее забыть. Ты и сам порой забываешь, хе-хе.

– Мог, но только не три раза кряду! Ведь все три раза, что он был у нас, на нем не было фуражки!

– А почему ты решил, что это должна быть непременно фуражка?

– Наши чиновники не любители в мерлушке ходить. Лучше в башлык закутаются, но в фуражке останутся.

- Верно, у него как раз башлык был...
 - Казенный такой, верблюжьего цвета, припоминаете?
 - Да... Но почему же он тогда был без фуражки?
 - Очень просто: по цвету тульи, околыша, выпушки и по значку арматуры легко определить ведомство, в котором он служит.
 - Вот оно что... Значит, этот прохвост чиновник?
 - Определенно. Причем самых низших должностей, раз взялся за такую аферу.
 - Но как же мы до него доберемся: в Дальнем сотни чиновников!
 - Я полагаю, столь отчаянно-дерзкую авантюру мог затеять только приезжий. Однако непременно квантунец, потому как он знал наверняка, какие балы планируются.
 - Послушай, Антуан, я не перестаю удивляться твоей эрудиции!..
 - Это не эрудиция, Алексей Владимирович. Это рациональное мышление, основанное на логике.
- Мировой судья несколько секунд молчал. Затем вдруг оживился:
- Надо проверить все гостиницы, номера для приезжающих и постоянные дворы.
 - Именно это я поручил нашим полицейским надзорителям.

В 2½ часа того же дня в камере мирового судьи раздался телефонный звонок. К аппарату попросили господина судебного следователя. Приложив рожок к уху, Антон Федорович услышал тихий голос полицейского надзорителя Китайской части:

– Антон Федорович? Это Васильев. Кажется, мы его нашли. Я в меблированных комнатах «Ориенталь», что на Московском шоссе. Жду вас!

Телефонировав домой, судебный следователь попросил своего слугу и рикшу Кима немедленно заехать за ним в присутствие. Кореец прибыл через пять минут.

«Хорошо, что перед Рождеством решил установить себе телефон», – с удовлетворением подумал титулярный советник.

По дороге Горский охотно рассказал своему слуге и помощнику о сути текущего расследования. Он часто делился с Кимом деталями расследований, ибо кореец отличался от всех прочих лакеев развитым умом и прекрасно владел русским языком. Слуга быстро вез рикшу, поэтому изредка выкрикивал «не слышу» – этой зимой Ким заматывал себе уши шерстяной тканью, чтобы не застудить.

Недавно отстроенные меблированные номера «Ориенталь» располагались в живописном месте Китайской части Дальнего: возле городского парка. Находясь на краю туземного города, они всецело окунали путешественников в неповторимую атмосферу китайской жизни, при этом благодаря соседству с природой делали это отнюдь не навязчиво. Кроме того, поблизости высился величественный китайский театр Тифонтая, чуть дальше – китайская кумирня, зоологический сад и питомник, а в пяти минутах езды на запад, в глубине китайского городка – китайский базар; на восток – крытый рынок в начале Европейской части. В самом здании меблированных комнат имелось электрическое освещение, телефон, ванна и душ, а также комната для фотографии. Круглосуточно подавали чай и кофе, по утрам – завтраки. И всё это за весьма скромную плату. Словом, прекрасное место для приезжих.

Войдя внутрь, Горский нахмурил брови. Васильев как ни в чем не бывало сидел в вестибюле, потягивая кофе.

- Степан Ильич, ну зачем же вы вот так, на виду...
- А что? – полицейский тупо уставился на судебного следователя.
- Могли его вспугнуть. Где он?
- Портъе говорит, еще не появился.
- И, боюсь, уже не появится... – раздосадовано махнул рукой Антон Федорович. Своей недальновидностью Васильев мог всё испортить.

Титулярный советник подошел к конторке, за которой стоял испуганный служащий. Васильев увязался следом.

– Мне доложили, что человек, которого я ищу, остановился у вас, – сказал вместо приветствия Горский. – Пучеглазый юнец с нафабранными усами и идеальным пробором на правую сторону.

– Так точно-с...

– Где он?

– Не имею знать, ваше благородие. Как в полдень уехали-с, так и не вернулись.

– Он уехал с вещами?

– Отнюдь нет. Уехал с черным кожаным портфелем... – портье вдруг замялся, будто что-то вспоминая. – И знаете еще что. Он ведь совсем без головного убора уехал. Я еще подумал: этак уши отморозит. На Квантуне хотя и не так морозно, как в материковой России, да ветер сильный. Он, видать, подумал, что у нас тут юг...

– Ценное наблюдение, – похвалил служащего следователь. – Он, что же, из метрополии?

– Да-с. Представился коммивояжером из Иркутска.

– А звать его как?

– Сейчас я вам его паспорт покажу.

Портье вытащил из несгораемого шкафа бессрочную паспортную книжку на имя дворянина Александра Сергеевича Дунаева, 1874 года рождения. Антон Федорович вяло и без должного внимания проглядел документ, почти сразу вернув его удивленному гостиничному служащему.

– Из ваших слов я понял, что при нем был багаж.

– Так точно-с. Он прибыл к нам с черным саквояжем.

– Мне необходимо осмотреть его номер.

– Простите великодушно, но для этого необходима бумага от мирового судьи или от судебного следователя.

– Простите, забыл представиться. Судебный следователь Горский.

– Ах, вот оно что... Рад знакомству, ваше благородие.

– Ваш постоялец Дунаев подозревается в денежном мошенничестве, – счел нужным пояснить титулярный советник. Этого требовал закон.

Портье выдал ключ с номером «6» и повел правоохранителей по длинному коридору. Антон Федорович распорядился, чтобы позвали кого-то из прислуги в качестве второго понятого. Выдернули зевавшего на стуле коридорного.

Комната коммивояжера Дунаева приятно удивила чистотой и простором. Новая мебель, подобранная просто, но с восточным колоритом, циновки на стенах, картинки с иероглифами – всё это смотрелось довольно мило.

Горскому сперва показалось, что в номере никто не живет. И только черный саквояж у кровати намекал на то, что здесь кто-то остановился. Других личных вещей ушлого юнца титулярный советник не обнаружил.

Антон Федорович поднял саквояж, попутно его взвесив – легкий! Положил на кровать, начал вскрывать. Портье, коридорный и полицейский надзиратель с любопытством заглядывали сзади.

В саквояже, помимо смены нижнего белья и баночек с фиксатуаром и фаброй, обнаружилась... фуражка! Уже по темно-синей тулье и черному околышу с голубой выпушкой Горский понял, что она принадлежит чиновнику почтово-телеграфной конторы. Арматура с двойными рожками и зигзагообразными стрелами не оставила никаких сомнений.

Детальный досмотр саквояжа выявил потайной карман-клапан, в котором обнаружилось 113 рублей мелкими номиналами кредитных билетов, самым крупным из которых была одинокая «красненькая». Стало быть, не шибко щедрые в Дальнем благотворители.

Наскоро составив протокол досмотра, получив две необходимые подписи понятых и захватив саквояж со всем содержимым в качестве улики, судебный следователь поехал в Административный городок. Портье он наказал беспромедлительно вызывать полицию в случае объявления молодого коммивояжера, а Васильеву поставить на Московском шоссе у парка городского, чтобы тот непременно задержал молодого франта без головного убора по указанным приметам.

В Административном городке Горский заехал в почтово-телеграфную контору, перебрался парой слов с ее начальником и отправил одну срочную телеграмму в Порт-Артур. И только после этого он вернулся к себе в камеру.

Мировой судья и его письмоводитель Иван Петрович чаевничали в кабинете последнего. За неимением посетителей и дел Антон Федорович решил к ним присоединиться. С мороза требовалось сперва отогреться.

– Чем порадуешь, Антуан? Нашел этого негодяя? – осведомился Алексей Владимирович, утирая пот со лба.

– Пожалуй, не ошибусь, если скажу, что наш проходимец предстанет перед вашим судом еще до Крещения, – спокойно заявил судебный следователь, наливая из самовара кипяток.

– Вот как? – немало удивился надворный советник.

Горский подробно изложил всё, что произошло в «Ориентале».

– Что-то я не пойму... – сморщился мировой судья. – Для чего коммивояжеру возить в саквояже фуражку телеграфиста?

– Потому что он никакой не коммивояжер, но именно почтово-телеграфный служащий, – безапелляционно ответил следователь.

– Ты посылал запрос в Иркутск? – серьезно спросил Алексей Владимирович.

– В этом нет необходимости. Этот человек не из Иркутска. И тем более он не Дунаев – паспорт, который он оставил в гостинице, чужой.

– С чего ты так решил?

– По тому паспорту Дунаев 1874 года рождения, то есть ему почти 30 и он старше меня.

– Вздор, конечно. Ему никак не более 22-х. Но тогда кто он?

– Наберитесь терпения. Очень скоро мы это узнаем.

– А в нашей почтово-телеграфной конторе ты о нем справлялся?

– Для очистки совести справился. Но, как я и предполагал, никого с такими приметам у них нет. Для дальнинца подобное мошенничество было бы чрезвычайно рискованным. Как-никак город у нас маленький, а телеграфисты и вовсе всегда на виду.

Незадолго до 6 часов вечера, когда все уже собирались расходиться, в камеру вошел почтальон со срочной телеграммой для господина судебного следователя Горской.

– Юнца, который так ловко нас обманул, зовут Яковом Лазаревичем Шлянкером, – весело объявил титулярный советник, глядя в белый листок с вклеенным текстом. – Ему 20 лет, православный.

– Ага, православный!.. – злорадно ухмыльнулся судья.

– Из песни слов не выкинешь, – пожал плечами Антон Федорович и продолжил: – Он – не имеющий чина порт-артурский почтово-телеграфный чиновник VI разряда низшего оклада.

– Поразительно!.. Ты раскрыл это дело всего лишь за один день! Как тебе это удалось?

– Да ведь всё просто, – смущенно улыбнулся титулярный советник. – Я сразу понял, что он из Квантуна, потому что кто, как не квантунцы в курсе нашей общественной жизни? По соображениям, которые я уже приводил ранее, дальнинцем он быть не мог. Значит, с большой долей вероятности он портартурец. Он являлся к нам без фуражки – это утвердило меня в мысли о том, что он чиновник и таким образом скрывает свою истинную должность.

– Но ведь он мог купить простой картуз или какую-нибудь зимнюю шапку, – резонно заметил судья.

- Чиновнику низшего оклада это едва ли по карману.
- Но ты же сам сказал, что у него в саквояже нашел более ста рублей!
- Это подчеркивает лишь то, что наш «коммивояжер» не собирался задерживаться в Дальнем надолго. Люди со скромным жалованьем берегут каждую копейку. Сам таковым был.
- Это правда, – подтвердил письмоводитель Иван Петрович.
- После Крещенского бал-маскарада в ближайшее время никаких общественных мероприятий у нас не планируется, поэтому я сразу догадался, что наш юноша скоро уедет. Своим присутствием в вестибюле «Ориенталя» Васильев его только испугнул, – Горский вновь заглянул в телеграмму. – Шлянкер сейчас, вероятно, уже на пути в Порт-Артур. Полагаю, большую часть денег он возил всё же с собой, поэтому рисковать и повторно возвращаться в меблированные комнаты он не станет.
- Но как мы его поймем в Порт-Артуре?
- В своей телеграмме начальнику Почтово-телеграфной конторы в Порт-Артуре надворному советнику Поспелову я распорядился арестовать данное лицо. Я не сомневался, что он отыщется в их конторе. И не ошибся.
- Как же он сумел слиться со службы на несколько недель? – спросил Иван Петрович, с интересом слушавший судебного следователя.
- В телеграмме говорится, что он взял отпуск.
- Ну, получит он у меня, как только его привезут в Дальний!
- Алексей Владимирович, несмотря на то, что вы лично пострадали от действий этого подлого человека, убедительно прошу вас выносить ему приговор, руководствуясь исключительно нормами закона.
- Однако какой у нас следователь: за день нашел преступника! – искренно восторгался Иван Петрович.

Яков Лазаревич Шлянкер вернулся в Порт-Артур в воскресенье 4 января. Из-за того, что в Дальнем его гениальную (как он считал) аферу раскрыли и в меблированных комнатах «Ориенталя» его поджидал полицейский надзиратель (а кого же еще?), возвращался телеграфист VI разряда низшего оклада окольным путем. В Китайском городе нанял конную арбу до Нангалина, а там ночным поездом до Артура.

Во втором часу ночи «коммивояжер» добрался наконец домой и тотчас завалился спать. День выдался долгий, нервный – нужно было восстановить силы.

Проснулся Шлянкер в 9 часов от стука в дверь. Посыльный принес ему записку. Интересно, от кого? Ведь никто о его прибытии в Артур не знал, а в присутствие он должен был выйти только после Крещения.

Записка была от Поспелова. Гм.. Алексей Дмитриевич просил выйти нынче на службу ввиду внезапной болезни Черникова. Обещал наградить премией.

Почтово-телеграфная служба работает круглые сутки, даже по воскресеньям и в двенадцатые праздники, потому как дело это чрезвычайно важное. А для военной крепости-порта особливо.

Прельстившись дополнительным денежным поощрением, Яков Шлянкер споро собрался и уже в 9¼ был в присутствии (благо жил поблизости). Пройдя в кабинет Поспелова, Яков нашел своего начальника в компании городского и полицейского надзирателя Домбровского, с которым когда-то познакомился на службе.

– Витольд Иванович, какими судьбами? – приветливо улыбнулся своей чарующей улыбкой Шлянкер.

– Вас арестовать, господин мошенник! – не менее любезно отозвался Домбровский.

Через два часа, в 11 дня, Шлянкера посадили в почтовый утренний поезд и этапировали в Дальний. Прибыв в порто-франко, в котором он успел «заработать» 513 рублей, Яков вдруг осознал, что веселая авантюрная жизнь для него закончилась...

2. Кафешантан

Субботним вечером, сразу после службы, Горский по традиции отправился к Унгебауэру. У Демьяна Константиновича как раз откупоривали вторую бутылку Мартеля. В просторной гостиной Антон Федорович обнаружил давно знакомых джентльменов: заведывающего ремонтными мастерскими порта мистера Ливза со своим неизменным спутником-драгоманом Эссельсеном, химика герра Ланфельда, штабс-капитана Гвоздевича и самого хозяина.

– Антуан! – радостно воскликнул лейтенант флота. – Мы тебя ждали! Проходи скорее, присоединяйся! Фридрих, – обратился он австрийцу, разливавшему коньяк, – налей-ка штрафную нашему следователю!

– Кого сегодня изловили? – весело осведомился Гвоздевич.

– Денежного мошенника, Георгий Сильвестрович, – ответил Горский, здороваясь за руку с друзьями. – Правда, он пока еще на свободе, но, уверен, к понедельнику будет в Дальнем и предстанет перед судом.

– Много денег украл? – осторожно спросил англичанин Ливз, шотландец Эссельсен тотчас перевел.

– Точная сумма будет известна по его задержании, однако не думаю, что она превышает трехсот рублей.

– Какие пустяки, – покачал головой Ланфельд, протягивая Антону Федоровичу полную рюмку. – И стоило из-за трехсот рублей ломать себе жизнь?

– Пей штрафную, Антуан! – приказал Унгебауэр.

– Господа, вы же знаете, что я не любитель крепких напитков...

– Не принимается! – запротестовал хозяин особняка. – Нечего опаздывать!

Горский нехотя повиновался, но твердо заявил, что пить коньяк более не станет. Специально для него Демьян Константинович распорядился принести марсалы.

– И вправду ваш мошенник дурак, коли позарился на три сотни, – сказал Унгебауэр, наливая Антону Федоровичу крепленого вина из Сицилии.

– Знаете, Демьян, – вступился за преступника Эссельсен, – для вас, привыкшего жить в роскоши, триста рублей – копейки, а для человека, всю жизнь прожившего в нужде, эти триста рублей как для вас тридцать тысяч.

– What are you talking about? – нетерпеливо обратился мистер Ливз к драгоману, потому что тот не стал переводить свои слова. Мистер Ливз, к слову, так и не выучил ни одного русского слова за исключением «спасибо» и «на здоровье!». То ли старость давала о себе знать, то ли известная британская чопорность.

– I've just said that poverty is not a vice. It can explain even the worst crime, – серьезно ответил Эссельсен.

– It looks like you have become engrossed in reading Dickens, William, – саркастически прыснул Ливз.

– Most likely, William prefers Dostoevsky, – неожиданно для всех вставил Горский. Никто и не предполагал, что он знает английский. Друзья с удивлением воззрились на судебного следователя.

– Actually, yes, – кивнул Эссельсен улыбувшись.

– Amazing! Antony, when did you start learning English? – вдохновенно заискрился англичанин.

– A few months ago.

– Your English is perfect!

– В полку англоязычных квантунцев прибыло! – воскликнул Гвоздевич, загадочно глядя на Горского, будто что-то прикидывая.

– Молодцом, Антуан! – выразил одобрение Унгебауэр.

– Завидую вашему рвению, Антуан! – признался Ланфельд.

– И это говорите мне вы, Фридрих, который в совершенстве овладел сложнейшим русским языком? – дружески парировал следователь. – Я всего лишь начал изучение английского и еще весьма далек от идеала. Испытываю сложности в построении фраз и очевидно нуждаюсь в наставничестве...

– Я могу давать вам уроки, – с готовностью отозвался Эссельсен.

Горский вспыхнул, а мистер Ливз недовольно и ревниво поглядел на своего драгомана, с которым он имел, как все говорят, не только деловые связи.

– ...но, к сожалению, не имею достаточно времени на его изучение, – закончил Антон Федорович. Брать уроки у Эссельсена ему не хотелось.

– Очень жаль. Со мной вы бы получили хорошую практику, – вздохнул шотландец.

– Don't bother him, William! – процедил сквозь зубы мистер Ливз. Эссельсен лишь глупо улыбнулся.

– Скажите, Вильям, что вы с Эдуардом будете делать, если начнется война? – спросил вдруг Гвоздевич, высверливая взглядом британцев.

– Я тотчас уеду! – гордо заявил мистер Ливз. – Мне пока еще дорога моя жизнь.

– А я, пожалуй, останусь, – спокойно, но в то же время несколько дерзко ответил Эссельсен.

– Вот как? – искренно удивился штабс-капитан.

Мистер Ливз вопросительно и пренебрежительно поглядел на компатриота.

– А что? – пожал плечами переводчик. – К русским я уже привык, ваш язык знаю, знаю и китайский. На Квантуне таких единицы, поэтому именно здесь я как нигде чувствую свою значимость и свою необходимость.

– А вы, Фридрих?

– Я тоже останусь, – решительно бросил Ланфельд, осушив рюмку с коньяком. В последние дни Горский стал замечать появившуюся в химике уверенность. В австрийце просыпалось мужество, укрепилось железное терпение и выработался звенящий стальной баритон.

– А как же ваша супруга? Вы говорили, что она не желает жить в России, – вспомнил Гвоздевич.

– Вы правы, Жорж. Эмма действительно не желает жить в России. Однако она моя законная жена и будет делать то, что я ей скажу и подчиняться всем решениям, которые я приму.

Антон Федорович не мог поверить, что перед ним сидит тот самый герр Фридрих, которого он знал ранее. Из бывшего мягкотелого и любвеобильного подкаблучника, из этакого Пьера Безухова он превратился в эгоистичного мужчину, который знает себе цену и готов дать отпор любому, кто подденет его самолюбие.

– Bravo, Фридрих! Ты делаешь успехи! – восхищенно прокричал Унгебауэр, едва опрокинув рюмку Мартеля.

Разговор на внешнеполитическую тему продолжился. Война, которую в те дни не обсуждал только ленивый, будировала практически всех обывателей, никого не оставляя равнодушным. В гостиной Унгебауэра некогда от этих обсуждений решили воздержаться, но повисшее в воздухе напряжение раз за разом возвращало беседы в милитаристское русло.

Вечер проходил спокойно, но удивительно скучно. Разговоры о войне Горскому изрядно надоели, поэтому Антон Федорович занимал себя тем, что старался понять каждое слово, сказанное мистером Ливзом до перевода Эссельсена. Овладеть английским языком титулярный советник решил еще прошлым летом, однако заниматься всерьез начал лишь с октября. Купленный в книжном магазине при «Новом Крае» самоучитель оказался вполне понятным и доступным, чего не скажешь о грамматике и в особенности глагольных временах наречия Туманного Альбиона.

Горский уже раздумывал поехать домой, как вдруг Унгебауэр объявил:

– Господа! Сегодня я приготовил вам сюрприз!

Все разом замолкли, вопросительно глядя на хозяина особняка. Довольный произведенным эффектом, лейтенант флота медленно обвел взглядом каждого из друзей, удовлетворенно причмокнул и только после этого продолжил:

– Неделю назад при гостинице «Империял» открылся замечательный кафешантан! Так вот, господа, я имел смелость зарезервировать нам столик! Едемте сейчас же! Сегодня там выступает Знойная Зизи!

Компания восприняла данное предложение восторженно-сдержано: у всех, кроме Ливза и Эссельсена, заблестели глаза. Даже у примерного семьянина Ланфельда, что уж очень необычно. Более того, если англичанин с шотландцем от поездки отказались, то Фридрих без раздумий согласился. Гвоздевич лишь молча кивнул и улыбнулся, подкрутив холеный ус. Горский же ехать в заведение с сомнительной моральной составляющей желанием не горел, однако и обижать Демьяна ему не хотелось.

Простившись с британцами, Унгебауэр приказал камердинеру запрягать экипаж. Спустя десять минут друзья сидели в холодной коляске и с нетерпением подгоняли кучера. С наступлением ночи город попал не только во власть тьмы, но и во власть мороза. Единственное, что согревало тела наших джентльменов, это выпитый Мартель и скорая встреча с загадочной артисткой. Кто такая Знойная Зизи никто не знал, а описывать ее Унгебауэр отказался.

– Сами услышите... и увидите, – пространно отвечал Демьян Константинович, кутаясь в шарф.

Несмотря на позднее время, гостиница «Империял» светилась огнями и подпиралась десятками экипажей. Возницы соорудили поблизости несколько костров, возле которых что-то громко обсуждали. Из гостиницы доносилась задорная музыка, электрические люстры холла манили своим мягким аристократическим светом.

Оставив верхнюю одежду в вестибюле, компания Унгебауэра проследовала в самый кафешантан. Внутри оказалось довольно темно и дымно, потому как буквально за каждым столиком курили сигары. Тесно сдвинутые столы выделялись белыми скатертями, несколько разбавляя и оттеняя мрачную залу с наглухо зашторенными окнами. Самым ярким пятном была, безусловно, полноценная сцена с рампой, где в лучах софитов выступали две худые акробатки в газовых одеждах на восточный манер. Барышни ловко тянули ноги, перекачивались друг дружке по спине, вставляли на голову – зрители одобрительно хлопали, но без особого задору.

– Какие тощие!.. – поморщился Ланфельд.

– Зато какая пластика! – вступился за девушек Унгебауэр.

– И ради них мы притащились в этот табачный притон? Которая из них Знойная Зизи? – полушутя обратился к Демьяну Константиновичу Гвоздевич.

– Полноте, Жорж! Я ценю ваше чувство юмора, но, право, упомянутая вами дама определенно вас поразит.

– Едва ли меня еще что-то может в этой жизни поразить, – философски ответил штабс-капитан и посуровел.

К новоприбывшим подскочил тучный распорядитель с зализанной назад шевелюрой и глазами бывалого савраса.

– Простите великодушно, господа, вынужден вас огорчить: все столики нынче заняты, – притворно скорбным голосом объявил он вместо приветствия.

– Простите, любезный, не представился: лейтенант Унгебауэр.

– Ах, господин Унгебауэр? – медоточиво повторил распорядитель. – Вы из Морского пароходства? Очень рад знакомству!

Протянул мясистую руку лейтенанту. С остальными здороваться не стал. Верно, счел ниже своего достоинства. Стало быть, он же и антрепренер, сделал вывод Горский.

Друзей посадили за небольшой круглый, накрытый на шесть персон столик. Помимо кувертов и вазочки с цветами на столе стояла бутылка шампанского.

– Зря ты на шестерых заказывал, – пожурил лейтенанта Антон Федорович. – Можно было легко предугадать, что наши британцы откажутся.

– А если бы согласились? – парировал Унгебауэр и чуть тише прибавил, подмигнув: – Свободные стулья не пропадут, поверь!

Тотчас перед столиком появился официант с холодными закусками. Хлопок, и игристое вино приятно зашипело в фужерах. Чокнулись, выпили, закусили. Только после этого Горский позволил себе внимательно осмотреть залу.

Кругом сплошь мужчины, причем самого разного «фасона». Были тут и представительные господа в визитках, были франты в коротких пиджаках и шелковых галстуках с жемчужными булавками, было полдюжины офицеров, судя по юным лицам – субалтерны, чиновники в форме министерства путей сообщения, чиновники в форме МВД, чиновники в штатском, но всё рано по казенным лицам легко определяемые как государственные служащие, явные иностранцы и еще несколько хищных лиц, род занятий которых вызывал тревогу.

Вдоль стен высились высокие тропические растения в кадках. И где их только взяли в январе? На сцене, помимо наскучивших акробатов, на самом краю приютились тапер и скрипач, казалось тоже притомленные выступлением барышень.

Поблизости раздался грубый дамский смех. Оказалось, что через столик от компании Унгебауэра господа в визитках наслаждались обществом двух не лишенных привлекательности кокеток.

– Почему вы смотрите на них с таким презрением? – поймал взгляд Горского Гвоздевич.

– Если так пойдет дальше, скоро все артистки превратятся в дам полусвета, – сконфуженно отозвался Антон Федорович.

– Они всегда ими и были, – цинично заметил Ланфельд, будто само это осознание доставляло ему удовольствие.

«Он сильно изменился. И не в лучшую сторону...», – с сожалением отметил титулярный советник. Что же могло с ним произойти? Уж не прознал ли Фридрих об измене своей супруги Эммы с покойным Фуше или, упаси Боже, еще с кем?

Внезапно погасили свет. В тяжелой темноте слышались приглушенные голоса мужчин и вульгарные смешки вышеупомянутых дам. Тапер и скрипач заиграли медленную красивую музыку.

Дали свет. На сцене появился давешний полнокровный господин с зализанной назад шевелюрой и наглыми глазами.

– Дамы и господа! Благодарю вас за то, что решили провести этот прекрасный вечер в нашем кафешантане! – объявил распорядитель-конферансье, который оказался еще и антрепренером в одном лице, как Горский и полагал.

– Мы искренно рады видеть вас здесь и, надеюсь, этот замечательный зал станет вашим излюбленным местом отдыха! Уверен, сегодняшний вечер запомнится вам надолго!

– Где Зизи? Хотим Зизи! – нетерпеливо прокричали зрители с дальнего края.

Антрепренер расплылся в довольной улыбке.

– Наберитесь терпения, джентльмены! Совсем скоро вы ее увидите! А пока рекомендую вам выпить и закусить, потому как потом вам будет не до этого! Да! Дам вам один дружеский совет: запаситесь шампанским – наша этуаль, скажу вам по секрету, обожает «Veuve Clicquot».

Не успел он это договорить, как с разных концов зала донеслось: «Официант! Официант! Вдову Клико! И нам, и нам! Две Клико!! Официант!». Заказал «Veuve Clicquot» и Унгебауэр, поддавшийся общему порыву. Впрочем, он, эту Зизи уже видел, поэтому, скорее всего, опирался на собственное мнение.

Владелец-конферансье тем временем продолжил:

– Итак, дорогие друзья! Я приглашаю на эту сцену нашу бесценную, нашу несравненную, нашу обворожительную, нашу желанную и таинственную этуаль! Встречайте! Зизи Ардан!!!

Антрепренер скрылся за кулисами, оставив от себя тонкую полосу единственного софита. Ничего не происходило. В зале нарастало напряжение, все затаились в ожидании примы, подогреваемые тихой размеренной музыкой.

Вдруг свет погас полностью, а когда одинокий софит вырвал из темноты обещанную этуаль, зрители дружно ахнули.

Сквозь густой табачный дым Горский разглядел стройную фигуру брюнетки в светлом платье с декольтированными руками, шеей и плечами. Зажглись ярче софиты, и стало возможным отчетливо разглядеть даму, величаемую Зизи Ардан. Лет тридцати – тридцати пяти, идеального стана (не худого и не толстого), с выразительными, но грустными глазами, с чудесными волосами цвета вороного крыла, которые венчала цветочная тиара, с мраморной шеей, которую обрамляли волны жемчужного ожерелья, с выдающимся бюстом, ловко очерченным тугим корсетом – в эту женщину невозможно было не влюбиться и не воздать должное ее красоте.

Голодные до женских тел, все без исключения присутствовавшие джентльмены с животным упоением взирали на Зизи Ардан, в которой, казалось, воплотилось всё лучшее, что могло быть в даме: лицо, фигура, грация. При этом было в ней и нечто особенное: ее перманентная улыбка. Улыбка эта, скорее вынужденная, нежели естественная, вызванная анатомическим строением вздернутых уголков рта, удивительно симпатично сочеталась с темными усталыми глазами, придавая лицу загадочное благородство.

«Она до ужаса хороша», – понял Горский, всеми силами заставляя себя не идти на поводу ее чар. «Только бы не влюбиться, только бы не влюбиться...»

Но когда Зизи Ардан запела, Антон Федорович понял, что бесповоротно пропал.

Забыты нежные лобзанья,
Уснула страсть, прошла любовь,
И радость нового свиданья
Уж не волнует больше кровь.
На сердце гнет немых страданий;
Счастливых дней не воротить,
Нет сладких грез, былых мечтаний,
Напрасно верить и любить.

Зрители с детским трепетом слушали ее чудесный сильный голос, наполненный глубочайшими чувствами, величайшей болью страданий. Вероятно, каждый из присутствовавших мужчин полагал, что понять эти пламенные эмоции способен лишь он один. Так думал и Горский.

«Не зря ее фамилия Ardent».

Так ветер всю красу наряда
С деревьев осенью сорвет
И по тропам унылым сада
Сухие листья разнесет.
Их далеко разгонит вьюга,
Кружа над мерзлой землей,
Навек разделит друг от друга,
Покрывши снежной пеленой.

– Она восхитительна!.. – нарушил тишину седобородый господин во фраке за соседним столиком.

– Богиня!.. – воскликнул кто-то в центре.

– Я бы за нее жизнь отдал!.. – отчаянно признался Унгебауэр. Никогда еще Горский не видел своего друга таким возбужденным. Глаза лейтенанта округлились, заблестели чистым светом, брови поползли вверх, рот мечтательно приоткрылся. Всё его существо прониклось любовью и страстью.

Антон Федоровича охватила обжигающая ревность. Все окружающие люди стали ему и друг другу соперниками, включая лейтенанта Унгебауэра. И даже примерный семьянин Ланфельд и стальной офицер Гвоздевич очевидно прониклись всеобщим восхищением к мадам Ардан.

Тем временем Знойная Зизи начала петь следующий романс, немного веселее предыдущего:

Скоро ли полночь настанет,
Скоро ль дождусь я тебя,
Спят все цветы, вся природа,
В тучи сокрылась луна...

– Ах, как славно поет! – не сдержал эмоции Ланфельд. – А что за глаза, что за глаза!

– Вы забыли про фигуру, Фридрих, – дружески улыбнулся Гвоздевич. В последнее время штабс-капитан стал чаще улыбаться.

Здесь нас никто не увидит,
Здесь встрепенется душа...
Скоро ль тебя я увижу?
Милый, я жду тебя!

Последняя фраза повергла зал в экстаз. Вальс-романс еще не кончился, а публика уже взорвалась громогласными аплодисментами. Крики «браво!», «манифик!» и «шарман!» раз-

давались каждую секунду. Вскоре Зизи стали наперебой приглашать к своему столу едва ли не все зрители. Как и предполагал Горский, мадам Ардан первой выбрала компанию из самых презентабельных господ в черных визитках, заказавших сразу аж четыре бутылки шампанского. На зависть остальным, просидела она с ними около получаса. Остальным гостям пришлось довольствоваться танцами полуголых баядерок, которые, конечно, лишь отчасти могли заменить великолепную и неповторимую приму. Некоторые джентльмены, отчаявшиеся ждать своей очереди, приглашали к себе других певиц и танцовщиц, угощая их безумно дорогой «Veuve Clicquot», предназначенной для Зизи.

Мадам Ардан, надо отдать ей должное, вела себя отнюдь не как ее менее именитые подруги: громко не хохотала, много не ела, еще меньше пила, на шею никому не вешалась и целоваться не лезла. Зато вполне позволяла себя обнимать и шептать на ухо шуточки и признания. Самые гривуазные обжимания пресекала, но порой счастливицам удавалось добиться своего.

Смотреть на всё это Горскому было чрезвычайно противно и больно. Но еще больнее ему было наблюдать за Демьяном Константиновичем, который буквально умирал от мучительных душевных страданий.

«Даже если предположить, что каким-то чудом Унгебауэру удастся сблизиться с ней, ничего хорошего из их союза не выйдет, – трезво размышлял судебный следователь, – А из моего союза с ней тем паче».

«В таких женщин нельзя влюбляться».

И если Антон Федорович эту простую истину для себя осознал и уяснил, то лейтенант флота постичь ее не мог априори. Более того, таковая мысль даже не приходила ему в голову. Демьян Константинович пребывал в тяжелейшем состоянии аффекта, которое только возможно было представить.

Наконец, спустя полтора часа этуаль оказалась за столом Унгебауэра, расположившись между лейтенантом флота и титулярным советником. Вблизи стали лучше видны морщины на ее лице. Но даже они не могли испортить тот волшебный флёр загадочной чувственности, пронизывавший всё ее существо.

– Позвольте вам представиться, мадам Ардан: помощник управляющего Морского пароходства общества К.В.ж.д. лейтенант флота Демьян Константинович Унгебауэр, – он гордо выгнул спину. – А это мои лучшие друзья: химик Управления постройкой порта Фридрих Ланфельд, штабс-капитан 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Георгий Сильвестрович Гвоздевич и судебный следователь титулярный советник Антон Федорович Горский.

Зизи впервые за вечер поглядела на Горского. Антону Федоровичу показалось, что между ними возникли невидимые флюиды, по крайней мере он сделал такой вывод из ее взгляда, который задержался на нем дольше, чем на остальных. Это не могло ему не льстить, но чем это может кончиться, титулярный советник себе ясно представлял. И если в случае с Анной Лазаревой он проявил очевидную слабость и даже, пожалуй, инфантильность, то с этой *актрисой* категорически нельзя давать волю сокровенным желаниям сердца.

«Второго удара я не выдержу».

– Рада познакомиться со столь очаровательными джентльменами! – вежливо и даже чересчур скромно сказала Зизи. Слух Горского тотчас уловил мягкий южный выговор, столь знакомый ему по Киеву.

– Вы из Малороссии? – решил удостовериться титулярный советник.

– И да, и нет, – загадочно ответила дама, одарив Антона Федоровича пронзающим взглядом.

Мужчины с великим интересом ждали, что она скажет, но этуаль молчала.

– Вечно ты ко всем пристаешь со своими расспросами! – в шуточку, но при этом довольно сердито пробурчал Унгебауэр. – В Антуане живет следователь даже тогда, когда он отдыхает!

– А кто живет в вас, *Демьян*? – нежно спросила мадам Ардан, повернувшись к нему анфас. При этом она так ласково произнесла его имя и так грациозно к нему наклонилась, что у Горского от зависти разлилась желчь. Сердце титулярного советника выпрыгивало из груди.

– А... э... – задохнулся от восторга лейтенант флота, забыв напрочь все слова. Прошло некоторое время, прежде чем он ответил: – Во мне, дорогая Зизи, живет любовь к морю, к этим бескрайним синим просторам, к соленой воде и треску рангоутов.

– О, вы настоящий романтик! – как будто искренно воскликнула мадам Ардан.

Унгебауэр засиял счастьем. На этой волне он пошел ва-банк:

– Но во мне живет кое-что еще. Прекраснейшее из всех чувств, возвышенное и чистое, как горный ручей, непостижимое и глубокое, как морской жёлоб, наконец, бесконечное и беспощадное, как внезапное цунами. Это любовь, любовь к самой красивой даме, которую я когда-либо знал.

Демьян Константинович поцеловал ее тонкую руку, продлив елико возможно сладостный момент.

Актриса несколько смутилась, но в целом была готова к такому повороту событий. К признаниям в любви она, вероятно, привыкла.

– Налейте мне шампанского, *Демьян*! – мило попросила она.

Чокнулись, выпили за знакомство. При этом мадам Ардан, в отличие от джентльменов, едва пригубила спиртного. Унгебауэр продолжил что-то рассказывать, всецело завладев вниманием этуали. Горского и Ланфельда это порядочно задело, а вот Гвоздевичу, казалось, было все равно: он с невозмутимым видом глядел на влюбленного лейтенанта и его роковую пассию.

– Вы такие славные! Пожалуй, самые интересные господа во всём шантане, – кокетливо проворковала Зизи своим дивным выговором. Горскому отчего-то показалось, что это акцент.

– Вы явно лукавите, сударыня, – отозвался Ланфельд. – Вы положительно обделили нас троих своим вниманием.

Унгебауэр гневно покосился на химика. Австриец испытующе и нагло глядел на Зизи. Но та не дрогнула.

– Обещаю, Фридрих, что подарю вам целый вечер, если вы приготовите мне эликсир молодости! – достойно и очень удачно парировала выпад Ланфельда мадам Ардан. При этом она запомнила его имя и даже то, что он химик! Вот уж удивительная женщина! Одаренная от Бога красотой и чудесным голосом, она еще и обладала завидной выдержкой, недюжинным умом и искусством слова.

«”Приготовите” – так говорят малороссиянки», – утвердился в своей догадке Горский.

Фридрих тем временем потерялся и не нашел ничего лучшего, как ответить:

– Для вас, мадам, пожалуй, стоит попробовать.

– Как добьетесь успеха, дайте знать, – улынулась артистка и перевела взгляд на Гвоздевича.

– Почему вы такой хмурый, Жорж? – обратилась она к штабс-капитану.

«Это она еще не видела Гвоздевича раньше», – с сарказмом подумал Антон Федорович.

– Военные не склонны улыбаться, – пожал плечами Георгий Сильвестрович.

– Напротив, я знаю многих офицеров, которые веселы и жизнерадостны. Взять хотя бы вашего друга *Демьяна*! – имя лейтенанта она произносила с каким-то сакральным придыханием, будто имя Государя. Горского это ужасно коробило, как задевало и то, что к нему она потеряла всякий интерес и манкировала его вопросом.

Гвоздевич снисходительно поглядел на этуаль, а потом на Унгебауэра. В его взгляде читалось: «какой же это военный?» Демьян Константинович это четко уловил и решил сыграть на опережение:

– Понимаете, дорогая Зизи, Жорж у нас боевой офицер. Несколько лет назад он подавлял Боксерское восстание. Война всегда откладывает на человеке свой отпечаток.

– Очень точно сказано, – поддержал друга Георгий Сильвестрович.

– Получается, что вы, *Демьян*, в боях не участвовали? – провокационно спросила мадам Ардан, изобразив некоторое разочарование.

– Это так, сударыня, – сконфуженно опустил голову лейтенант флота, но тотчас поднял. – Однако я не теряю надежды поучаствовать в настоящем сражении! Я докажу всем, и вам в первую очередь, что Демьян Унгебауэр – это самый смелый из моряков Тихоокеанской эскадры!

– Скоро у вас появится такая возможность, дорогой друг, – зловеще отозвался Гвоздевич. – Но поверьте, война это не то, что вы себе представляете. Это намного хуже.

– Не надо меня пугать, Жорж! Не на того напали! – обиженно выкрикнул лейтенант.

– Поверьте, господа, война – это не увеселительная прогулка за город. Это ремесло, не постигнув которое, вас, скорее всего, убьют, – трезво и удивительно проникновенно заговорил штабс-капитан. Унгебауэр воспринял это за позёрство и распускание перьев перед красивой дамой, но Горский знал наверное, что это не так.

– Ты сомневаешься в моей выучке? Напомню тебе, что я лейтенант флота!

– Пассажирского флота, – уточнил Гвоздевич, чего можно было не делать.

– Да, но я действующий офицер! – вскипел Унгебауэр. – И в случае войны я буду незамедлительно мобилизован!

– Возможно, – спокойно согласился Георгий Сильвестрович. – Но вот тебе мой совет: если во время войны будет хоть малейшая законная возможность покинуть Квантун, уезжай. И вы тоже, господа, уезжайте. Напрасные жертвы ни к чему.

– Позволь, Жорж, но это уже оскорбление! – процедил сквозь зубы Унгебауэр. – Ты призываешь меня к малодушию, сомневаясь в моей храбрости и моей боевой пригодности!

– Да, Демьян, я действительно сомневаюсь в твоей боевой пригодности, при этом несколько не сомневаясь в твоей храбрости. И лишь даю тебе совет, который ты вправе оставить без внимания.

– Придержи свои советы для глупых фендриков!

– Господа, прекратите сейчас же! – возмутилась Зизи. – Не люблю военные разговоры, но в данном случае вы, Жорж, неправы. Истинная отвага и боевое искусство проявляются только на войне. Я полагаю, что долг каждого мужчины защищать свою страну и служить своему императору.

– Вы заблуждаетесь, сударыня. Служить должны только те, у кого есть к этому призвание и необходимые навыки.

– Но как же *Демьян* раскроет свое призвание, если он не попадет на войну? – резонно заметила мадам Ардан. – Вы говорите о навыках, но как их можно получить в мирных условиях?

Гвоздевич раздраженно отвернулся.

– Господа, давайте выпьем! – предложил Ланфельд. – За мир и благополучие!

Хорошо, что Фридрих догадался разрядить обстановку, потому что беседа обещала плохо кончиться. Горский ждал, что теперь Зизи обратит внимание на него, но она вдруг сказала:

– С вами хорошо, господа, но я вынуждена вас покинуть.

– Ах, не покидайте нас! Прошу вас, побудьте с нами еще пару минут! – взмолился истерзаный стрелами купидона Демьян Константинович.

– Ну, хорошо... Я побуду с вами еще немного, если вы закажете шампанского – наша бутылка пуста, – попросила дама и была тотчас услышана: Унгебауэр немедленно позвал официанта.

– Хочу конфет, – прибавила этуаль. – Они здесь прелесть как хороши.

– Это вы, Зизи, прелесть как хороши! – расплылся в улыбке лейтенант. – Официант, коробку конфет!

«Ох и много же он заплатит! – сосчитал в уме Горский, – Эта дама не так проста, как кажется».

К шампанскому этуаль едва притронулась, конфет съела всего две. Но кто, кроме Горского, будет обращать внимания на такие мелочи? Демьян Константинович волен делать то, что считает нужным.

Настал неизбежный момент расставания. Унгебауэр едва не пустил слезу, воспользовавшись последним мгновением сполна: добрые полминуты целовал Зизи руку. Будто птица, мадам Ардан упорхнула в дальний угол залы и присела к очередному столу-кормушке, где ее заждались. И всё повторилось по кругу.

Гробовая тишина воцарилась в компании лейтенанта флота. Выход на сцену очередных девиц в неглиже настроение господ не улучшил. Демьян Константинович попросил счет, а когда увидел итоговую сумму к оплате, чуть не упал в обморок.

Назад ехали также молча. На прощание Гвоздевич первым протянул Унгебауэру руку. Стало быть, помирились.

Ну и слава Богу.

3. Бал-маскарад

Ночью Антону Федоровичу приснился очень странный сон. Про Киев. Он откуда-то твердо знал, что это непременно Киев, но с трудом мог его идентифицировать. Судебный следователь стоял на какой-то гигантской площади, разрезанной большим проспектом. Позади него высилась высокая колонна, кажется, с ангелом, наподобие Александровской колонны на Дворцовой площади Санкт-Петербурга. Впереди него открывался простор, обрамленный полукругом серых мрачных зданий. Радиально расходящиеся узкие улицы что-то смутно напоминали. Слева блеснул купол Святой Софии.

«Неужели... это Думская площадь?» – пытался сообразить Горский, озираясь. Вокруг не было ни души, но отчего-то под ногами валялось много мусору. Антон Федорович явственно понимал, что площадь эта изменилась до неузнаваемости: пропали вывески со зданий, пропали сами здания, потому что вместо них стояли уродливые гипертрофированные эквиваленты,

пропал чудесный скверик с фонтаном, возле которого так любили собираться обыватели, и пропало еще что-то. Он долго не мог понять, что именно, но когда понял, мурашки побежали по его телу.

«А... где же Дума? Где здание Городской думы??»

Не успел он всё это прочувствовать и переварить, как вдруг всю площадь заполнили люди. Он не мог различить ни одежды, ни лиц, лишь тусклые абрисы и неразборчивые слова. Ему вдруг показалось, что это какой-то другой и даже *чужой* город. Безусловно, очень похожий на Киев, но всё же не Киев. Зародившееся сомнение требовало прояснений. С этой целью титулярный советник остановил первого попавшегося прохожего и надтреснутым голосом спросил: «Подскажите, пожалуйста, где я?..» Прохожий противно хохотнул и задорно ответил: «Теперь в Европе!»

«Теперь в Европе?.. – повторил про себя Антон Федорович, совершенно сбитый с толку непонятной фразой. – А раньше, что же, Киев был в Азии? Что за глупости?..»

Проснулся Горский с великим облегчением, как это и всегда бывает после дурного сна. Жаль только не успел выяснить, куда делась Дума.

«И как это мой мозг мог выдумать такую чушь?» – еще долго задавался вопросом судебный следователь. Он где-то читал, что во сне человек видит то, что его больше всего волнует и то, что он сам бессознательно моделирует.

До обеда он провалялся на диване за чтением очередной книги. В два пополудни ему позвонили из тюрьмы – из Порт-Артура привезли мошенника Шлянкера. Горский тотчас собрался и попросил Кима отвезти его в арестный дом.

Допрос обвиняемого Антон Федорович провел прямо в тюремной камере. Выяснилось, что предприимчивый «благотворитель» Дунаев сумел собрать с доверчивых и милосердных дальних в общей сложности более 500 рублей!

– И не стыдно вам было, Яков Лазаревич, прикрываться лицами, попавшими в нужду? – спросил в конце допроса Антон Федорович.

– Не стыдно, ваше благородие. Потому что я сам таковым и являюсь! – с чувством горькой обиды парировал не имеющий чина почтово-телеграфный чиновник VI разряда низшего оклада.

– А всё-таки, господин Шлянкер, бедность – не повод творить мерзости, – рассудительно и крайне сдержанно поспорил титулярный советник.

– Вот тут вы заблуждаетесь, ваше благородие! Когда жрать нечего, когда в кармане два гривенника, а до жалованья неделя, когда кишки к позвоночнику липнут... поглядел бы я на вас!

– И даже в этом случае я бы не пошел на преступление, – уверенно заявил Горский.

– Так разве ж то, что я с богатых господ по трешке-пятерке поимел, преступление? Ваш Сахаров и его свита миллионами воруют и ничего! Я, по крайней мере, никого не убивал и телесных увечий не наносил! Меня, поди, в Сибирь отправите, а эти паскуды будут продолжать кутить и на балы хаживать. Тьфу!..

Речь мошенника была дерзка и вызывающа, однако почему-то никакой злости внутри Антона Федоровича она не подняла. Вместо этого судебного следователя посетила грусть. Прав был Шлянкер насчет высших городских чиновников. И это расстраивало больше всего.

Горский искренно не понимал, как можно присвоить и фривольно распоряжаться средствами, которые тебе не принадлежат? Как можно бессовестно брать деньги у государства и пускать их на собственные нужды? Каким мерзавцем надо быть, чтобы беспардонно обирать свою страну?..

С паршивым настроением вернулся судебный следователь домой. По пути купил свежий номер «Нового Края».

Усевшись в гостиной перед растопленным камином, Горский принялся читать. В газете печатался текст ответа Государя на новогодние поздравления генерал-адъютанта Алексева. Его Императорское Величество поблагодарил всех военных и гражданских чинов за теплые чувства и выразил надежду на благополучие. «...Да благословит Господь Россию миром и благоденствием в наступающем году» – такими словами заканчивалось Августейшее послание. Была телеграмма и от Ее Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны ровно о том же.

Международная хроника сводилась к одному: Россия приняла некие выдвинутые Японией условия, сделав, таким образом, шаг навстречу. Японии этого уже мало, она продолжает агрессивный милитаристский тон, требуя еще больших уступок. При этом неофициальные источники сообщают, что некоторые условия азиаты всё же приняли и что напряженность в русско-японских отношениях заметно снизилась. Все дипломатические каналы сходились во мнении, что достигнуты хорошие позиции для конструктивных переговоров. Повевало мирными настроениями.

На следующий день Антона Федоровича ждал неприятный сюрприз, который, впрочем, вскоре таковым быть перестал. Судебный следователь не успел снять пальто, как на пороге его камеры появился полицейский надзиратель Дминский. Оказалось, что в эту ночь около 4-х часов утра в Административном городке произошло убийство неизвестного китайца. Энергичными мерами, принятыми надзирателем Дминским, убийцы были задержаны и оказались тремя русскими слесарями. Похвалив полицейского за расторопность и усердие, Горский выразил желание допросить душегубов в тюрьме.

Слесари признали свою вину. Причем каждый из них на личном допросе заявил, что это именно он убил «китайца». Чувство локтя у этих мужиков вызывало уважение, чего не скажешь о мотиве. Несчастный азиат стал жертвой банального спонтанного жестокого грабежа.

– И много вы с этого китайца поимели? – спросил Горский у одного из задержанных.

– Восемь целковых... – опустив голову, признался бородатый убийца.

– И стоило из-за восьми рублей себе жизнь губить? – печально вздохнул титулярный советник.

– Чаво уж ныне баить, ваше благородие... Бес попутал еного косоглазого отмордовать. Коли дурачье, так там нам и место – в Сибири.

Мужиков Антону Федоровичу было искренно жаль, потому что в глазах каждого из них он увидел неподдельное раскаяние. Каторга их ждет неминуемая. Разве что Алексей Владимирович сбавит им срок, взяв во внимание их нужную рабочую профессию.

В камере мирового судьи шло предварительное слушание по делу Шлянкера. Присутствовали полдюжины потерпевших, двое конвоиров, адвокат и письмоводитель. Горский прошел к себе в каморку оформлять дело об убийстве китайца тремя русскими слесарями. Шлянкер не вызывал у него более интереса.

Год начался с убийства – еще одна нехорошая примета. Слишком много нехороших примет. Разве что в газетах сплошь воодушевление и чуть ли не объявление мира при том, что войны еще никакой не случилось...

Перед уходом Алексей Владимирович поинтересовался у Антона Федоровича, придет ли он на завтрашний крещенский базар и бал-маскарад. Горский ответил отрицательно, не утруждая себя объяснениями.

После присутствия он отправился к всенощной. В церкви собралось много народу, в том числе градоначальник со своими приближенными.

«Как можно лихоимствовать и одновременно поклоняться Богу? Вопиющее иезуитство!» – с негодованием думал судебный следователь, разглядывая одухотворенные лица высших городских чиновников.

Настроение поднял стройный хор, в котором, как и всегда, блистала баронесса фон Нолькен. Наталья Николаевна по привычке оглядывала прихожан. Завидев Горского, добро улыбнулась и продолжила спокойно петь. Антон Федорович придавал ей сил.

И всё бы хорошо, если бы молодой послушник не обронил стопку с елеем. Маслянистое пятно растеклось по плитке, напомнив своим очертанием Квантунскую область. Очередной знак?..

Дома Антон Федорович собирался немедленно завалиться спать, однако запечатанный конверт без подписей, полученный час назад от посыльного, заставил титулярного советника со сном повременить. Ким, разумеется, письмо не вскрывал.

– Как же ты понял, что оно для меня? – спросил у своего слуги Горский.

– Посыльный сообщил, что это письмо для господина судебного следователя.

– От кого?

– Увы, не сказали.

В письме было следующее:

«Уважаемый г-нъ Горскій! Пишу Вамъ въ надеждѣ на помощь, потому какъ никто, кромѣ Васъ, не въ силахъ мнѣ помочь. Мнѣ угрожаетъ опасность. За мной слѣдятъ. Заклинаю Васъ, ради всего святого, не откажите мнѣ во встрѣчѣ. Приходите завтра на балъ-маскарадъ въ Общественное собраніе.

Т. С.»

Сколько Антон Федорович не перечитывал это чрезвычайно странное послание, яснее от этого не становилось. Титулярному советнику предложили решить уравнение, в котором одни неизвестные. Кому-то угрожают, возможно, хотят убить. У него, Горского, просят защиты и содействия, но в чем оно заключается не понятно.

Вторым ключевым вопросом стала необходимость установить личность автора письма. Удивительно ровный почерк со средним наклоном характерен скорее для мужчин, однако текст послания составлен таким образом, что утверждать наверное о половой принадлежности загадочной персоны невозможно. Инициалы «Т. С.» Антону Федоровичу ничего не говорили, зато этот некто знал судебного следователя как минимум заочно.

Ехать на бал-маскарад титулярный советник не собирался, однако анонимное (или практически анонимное) письмо не оставляло ему выбора. Киму было поручено купить или смастерить для своего господина маску.

Вечером 6 января Горский входил в здание Общественного собрания для старших служащих. Он был во фраке и черной бархатной маске, закрывавшей верхнюю часть лица.

Рождественский базар уже завершился, поэтому на лотерею-аллегри судебный следователь не попал. Вместо этого он передал распорядителю три рубля в качестве благотворительного взноса. Ему попытались вручить какую-то безделицу, но титулярный советник вежливо отказался.

Бальный зал встречал богато украшенной зеленью, из которой смастерили симпатичные гирлянды. И снова судебный следователь задался вопросом, откуда всю эту растительность привезли? Более того, где-то раздобыли цветные электрические фонарики, которыми перепоясали периметр главной залы. Музыка играли сразу два оркестра: один от местной пожарной дружины, другой – от 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Всё смотрелось довольно празднично, весело и как-то удивительно оптимистично.

Начала прибывать публика. И, надо сказать, дальнинские дамы и господа удивили Горского весьма. Каждый старался выделиться экстравагантным костюмом. Помимо простых масок здесь присутствовали маски разных фасонов: с длинными уродливыми носами, со злыми хищными физиономиями, с милыми женскими и белыми нейтральными. Кроме того, часть бомонда облачилась в черные и серебристые плащи, часть – в костюмы московских бояр XVII

века. Вероятно, прошлогодний августейший бал-маскарад бередил чьи-то умы. А возможно, это те самые счастливицы, которые в феврале 1903 года присутствовали в Зимнем дворце. Что примечательно, эти дамы и господа лиц не скрывали, тогда как большая часть гостей оставалась инкогнито.

Впрочем, часть из них Антон Федорович угадал, как-то: помощников Сахарова Тимма и Тренюхина, полицеймейстера Меньшова, доктора Надпорожского. Заведывающего дальнинской больницей Горский хорошо знал, а потому тотчас подошел поклониться. Иван Порфирьевич добродушно улыбнулся, но разговаривать со старым знакомым отчего-то не захотел. Вместо этого он быстро удалился в буфет, сославшись на то, что его ждут.

Горский несколько расстроился, потому как никого из своих друзей и даже знакомых он здесь не видел. У него вообще было мало знакомых, а друзей тем паче.

Стоя у стены с колоннами, Антон Федорович с потухшим взглядом наблюдал за вальсирующими парами. Развевающиеся плащи и нарядные маски придавали всему действию таинственное волшебство, загадочную красоту. Почему-то приглушили свет, нагнав зловещего мрака. Так и вовсе стало трудно кого-то опознать.

Судебный следователь вспомнил те времена, когда он пользовался невероятной популярностью у дам. Несколько танцев с Анной Лазаревой возвысили его в глазах местных барышень. На каждый танец его непременно ангажировали, не оставляя без внимания. Иное дело теперь...

Ах, Анна, Анна!.. И даже несмотря на то, что она уже не в Дальнем и уже не Лазарева, Горский не мог ее забыть. Он чувствовал, что между ними осталась определенная недосказанность. Зачем-то верил, что она вспоминает его не реже, чем он ее, втайне мечтал еще когда-нибудь ее увидеть...

Внезапно перед Антоном Федоровичем возникла фигура в черном плаще и маске венецианской дамы. Она появилась так неожиданно, что у титулярного советника едва не остановилось сердце. Дама неподвижно стояла, будто застывшая восковая фигура, и только ее бледно-зеленые глаза неотрывно глядели на судебного следователя. Горский не сразу догадался, что она таким образом просит его о танце.

– Позвольте пригласить вас на тур вальса, – опомнился титулярный советник, протянув ей руку в белоснежной перчатке.

Дама сразу приняла его приглашение: тонкая рука, обтянутая черным бархатом, легла ему на плечо. Амбре пряных духов окутал невидимой пеленой, будто вовлекая в кокон.

Они закружились в танце, но незнакомка по-прежнему молчала. Глядя в ее болотного цвета глаза, Горский размышлял над человеком, который прислал ему давеча странную записку. Сперва он подумал, что эта дама и есть автор письма, но, провальсировав в безмолвии две минуты, стало очевидно, что это не она.

Дама, вероятно, ждала от Антона Федоровича инициативы, однако титулярный советник не был расположен к разговору и тем более к флирту. С него хватит того, что он не по своей воле ее ангажировал.

Под самый конец вальса незнакомка вдруг шепнула несколько слов, сказанных с большим волнением: «Я буду ждать вас в аванзале».

Горский нахмурился. Большинство господ на его месте просияли бы от счастья, затряслись в предвкушении амурной интриги, но только не Антон Федорович. Этот ожидал встречи с автором странной записки, а потому лишь обозлился за столь бесцеремонное приглашение. Тем не менее, проигнорировать просьбу дамы и бросить ее одну титулярный советник не мог – поплелся в аванзал.

Дама стояла у высокого окна, за которым чернел холодный квантунский вечер. Почувствовав приближавшегося Горского, она тотчас обернулась и уже не сводила с него глаз.

– Простите, сударыня, не знаю вашего имени, однако я нынче чрезвычайно занят, – строго заговорил титулярный советник, тщательно подбирая слова, чтобы не обидеть незнакомку. – Я в ожидании важной встречи...

– Вы разве еще не поняли, что это я вам написала? – удивилась «венцианка». Ее выговор показался Антону Федоровичу до боли знакомым.

– Вы?... – сконфузился Горский, не веря происходящему.

– Я, – быстро ответила дама. – Мне угрожает опасность. Именно поэтому я решила обратиться к вам, господин судебный следователь.

Только теперь до титулярного советника дошло, что перед ним этуаль кафешантана.

– Боже, это вы, мадам Ардан?..

– Пожалуйста, не называйте меня так. Нас могут услышать, – зашептала прима, оглядываясь на группу чиновников поодаль.

– Простите, но называть вас Зизи у меня язык не повернется.

– Вот и не нужно.

– Как же мне вас называть? – развел руками Горский.

– Называйте меня Терезой.

– Это ваше настоящее имя?

– Да. Меня зовут Тереза Страшкевич. Я родом из Буковины, из Черновиц, – нехотя призналась дама.

– Вы австро-венгерская подданная?

– Да, но при этом я украинка.

– Я догадался по вашему выговору. Он у вас восхитителен, – Антону Федоровичу захотелось сделать ей комплимент, чтобы снять лишнее напряжение и расположить к доверительному разговору.

– Благодарю вас, – она улыбнулась ему в ответ – это ощущалось даже через маску.

– Вы написали и сейчас повторили, что вам угрожает опасность. С чего вы взяли? – Горский стал задавать вопросы как судебный следователь.

– Потому что за мной следят.

Антон Федорович оглядел аванзалу, но никого подозрительно не обнаружил.

– Вы слишком популярны в Дальнем – неудивительно, что на вас порой заглядываются джентльмены.

– О, поверьте, это не простое внимание!..

– Вы можете описать человека, который за вами следит?

– Нет, потому что я его не видела.

– Тогда почему вы решили, что за вами следят? – сардонически заметил Горский.

– Вот поэтому! – в тон судебному следователю ответила мадам Ардан, или Тереза Страшкевич, протянув сложенный вчетверо листок.

На нем Горский прочел следующее:

«Милая Зизи, Вы были сегодня невѣроятно восхитительны! Но зачѣм же Вы поѣхали кь этому мерзавцу на проспект Витте? Если я еще разь увижу Вась вь его обществѣ, право, я Вась задушу. Будьте впредь благоразумны».

– Кто принес записку? – осведомился судебный следователь, нахмутив брови.

– Никто. Мне ее подкинули под дверь, – Тереза внимательно глядела на Горского, будто ожидая от него какого-то чуда. И сочла нужным прибавить: – Я живу в «Империале».

– Вы случайно не захватили с собой остальные записки?

– Откуда вы знаете, что записок было несколько?.. – опешила этуаль. Глаза ее заблестели.

– Это логично. В записке, которую вы мне показали, не прослеживается мотив автора.

Иными словами, неясно, что ему от вас нужно.

– Но ведь он же ясно пишет, чтобы я не ездила на проспект Витте к... гм... к одному господину, – запнулась мадам Ардан.

– Да, но выглядит это всего лишь как некая промежуточная просьба-угроза. Он определенно посылал вам еще как минимум одно письмо.

– Их было два, – созналась Тереза.

– Вы покажете их мне?

– Нет.

– Нет? И при этом хотите, чтобы я вам помог?

Этуаль кафешантана отвернулась и заговорила сквозь зубы, еле сдерживая эмоции:

– Послушайте, господин Горский, какая разница, что он мне там писал? Вот письмо, в котором он мне угрожает! Что вам еще нужно, чтобы понять, что я в опасности??

– Для начала я не могу расценивать данное послание как явную угрозу. Для этого мне недостает сведений, которые вы отчего-то не желаете мне сообщать.

– Господи, да что такого дадут вам те письма? – застонала мадам Ардан-Страшкевич. – Этот мерзавец признавался мне в любви, настаивал на свидании, но когда я манкировала, прислал грубое письмо, в котором упрекал меня в безнравственности, напомнил обо всех моих визитах за несколько дней и в ужасно вульгарной форме описал, как будет мною владеть... Вам это хочется почитать??

– Мне совершенно не интересны фантазии этого сумасшедшего, – быстро парировал Горский, – Равно как и ваша частная жизнь. Однако в этих письмах могут быть зацепки, которые позволят выйти на след маньяка.

– Вы подобрали очень подходящее слово: этот человек – маньяк.

– Вы сами сказали, что в первом письме он настаивал на свидании. Где и когда он желал с вами встретиться?

– Он звал меня... в «Юго-восточные номера».

– Вот как? Весьма прагматично. Теперь понимаю, почему вы оставили его послание без внимания.

– Не понимаете, господин Горский.

– Так объясните, – потребовал сбитый с толку судебный следователь.

– Если бы он позвал меня в свой дом, я бы, вероятнее всего, согласилась. Сперва бы, конечно, узнала его имя и материальное положение. Но ездить по гостиницам – портить свое реноме, – довольно туманно и уж как минимум спорно ответила Зизи Ардан.

«Ох, прав был Фридрих, когда называл всех актрис дамами полусвета».

– Хорошо. Тогда позвольте спросить, каким образом он рассчитывал получить от вас ответ? Вы говорили, что находили записки под дверью.

– Не знаю. Оба раза он настаивал на свидании в «Юго-восточных номерах».

– Да, но в последнем письме он про это не упоминал. Стало быть, ждите от него вскорости очередное письмо.

– Я этого не вынесу!.. – как-то чересчур наиграно воскликнула Тереза Страшкевич, пустив слезу. Горскому даже показалось, что роль беззащитной жертвы доставляет ей удовольствие.

– В какое время он назначал вам свидания?

– В семь вечера. Но едва ли это о чем-то говорит...

– В семь вечера уже темно – таким образом он хотел избежать огласки. Кроме того, ваш маньяк вероятнее всего служащий, раз назначает свидания в неприсутственный час.

– Мне от этого не легче, да и едва ли подобные умозаключения помогут вам его найти, – пренебрежительно усмехнулась Тереза, вернувшись в образ мадам Ардан. Столь несложным приемом она разожгла в Антоне Федоровиче необходимое рвение, уязвив его самолюбие.

– Что говорилось в записках касательно «Юго-восточных номеров»? Он указывал вам номер комнаты или фамилию?

– Седьмой номер.

– Семь вечера, седьмой номер... гм!

– Что мне делать?.. – сдавленным голосом, в котором звучала надежда, прошептала эту-аль.

– Возвращайтесь к себе и ничего не бойтесь. Как только получите новое послание, тотчас телефонируйте мне.

С этими словами он достал из внутреннего кармана карандаш и памятную книжку, начеркал несколько цифр, оторвал листок и вручил его даме. Тереза быстро запомнила номер и спрятала записку.

– Благодарю вас, господин Горский!.. – искренно, а может наигранно (кто их поймет, этих актрис?), воскликнула Страшкевич.

– Я еще ничего для вас не сделал, – пожал плечами титулярный советник.

Поздно вечером, когда хозяин и слуга собирались укладываться спать, в доме судебного следователя зазвонил телефон.

– Горский у аппарата.

– Господин Горский, это Тереза... – сквозь сильный треск слышалось на том конце.

– Госпожа Страшкевич? Что-то случилось? – титулярный советник сдвинул брови. Никак он не ожидал, что будет говорить с кафешантанной этуалью тем же вечером.

– Я получила новую записку... – взволнованно ответила мадам Ардан.

– Что в ней?

– Он снова настаивает на встрече...

– Где и когда?
– Завтра в семь вечера, в седьмом номере «Юго-восточных номеров».
«Седьмого января, в семь вечера, в седьмом номере...» – повторил в голове Антон Федорович.
– Во сколько вы просыпаетесь? – спросил вдруг судебный следователь.
– Простите, что?.. – не поняла этуаль.
– Если я завтра заеду к вам к 10 часам утра, вы меня примете?
– Ах, вы об этом... Да, конечно! – охотно согласилась Тереза Страшкевич, назвав при этом номер своей комнаты. – Однако вы можете приехать и раньше: едва ли я этой ночью сомкну глаза...

4. Охота

Ночью, перед тем как заснуть, Антон Федорович думал о Терезе Страшкевич. Не о ее деле, а о ней самой. Пытался разобраться, какие чувства она в нем вызывает и во что это всё может вылиться.

Сперва там, в кафешантане, она ему, безусловно, понравилась. Как понравилась и подавляющему большинству господ, что явились на вечернее представление. Затем, когда началась эта вакханалия с шампанским, когда эта прекрасная дама начала порхать от одного стола к другому, как бабочка, перелетая с одного цветка на другой, Горскому сделалось невыносимо омерзительно. Однако когда она оказалась за их столом, снова сумела расположить к себе требовательное сердце титулярного советника, несколько восстановив утраченное реноме.

После «Империала» встреча на бал-маскараде снова ознаменовалась перепадом котировок, как говорят на финансовых биржах. После признания мадам Страшкевич касательно поездок в коттеджи к различным господам, а также в ее смелой позиции относительно сих выездов, «акции» этуали в глазах Антона Федоровича стремительно упали. Но то ли актерское мастерство устроено так, чтобы располагать к себе людей, то ли красивой женщине делаются определенные послабления... В итоге Горский перестал ее презирать, но и петь дифирамбы ее

красоте не собирался. При этом он с тревогой понимал, что прояви она к нему внимание как к мужчине, ему будет трудно устоять...

Но, слава Богу, он ее в этом качестве пока не интересовал.

Ровно к десяти часам утра, как и обещал, Антон Федорович приехал в «Империял».

– Вы чудовищно пунктуальны, – слегка улыбнулась этуаль, пропуская судебного следователя в просторный двухкомнатный номер, богато украшенный цветами.

– Да у вас тут настоящая оранжерея! – титулярный советник огляделся, вдыхая пряный аромат пыльцы. – И это в январе!

Только сейчас титулярный советник заметил, что мадам Ардан встретила его в дезаби-лье: полупрозрачный халат смотрелся весьма вульгарно. Горский покраснел. Заметив его смущение, дама всплеснула руками:

– Ах, простите мне мой внешний вид! Не успела толком одеться... – проворковала про-вокаторша, удаляясь в спальню, служившую ей, по всей видимости, будуаром.

«Не успела толком одеться!» – саркастически повторил про себя Горский. И это при том, что он ей заранее сообщил во сколько приедет! Нет, эти актрисы неисправимы. Внимание и обожание публики для них всё. Хотят, чтобы все изнывали по ним от страсти, а потом удивляются, когда получают письма от маньяков...

Страшкевич появилась спустя несколько минут. Помимо домашнего платья с фестонами на ней появилось бесстрастное «официальное» лицо. Как же Антону Федоровичу опротивела вся эта театральщина!

Мысленно выругавшись, он перешел к делу:

– Сегодня вечером вы поедете в «Юго-восточные номера», – заявил он.

– Вы шутите?.. – кажется, искренно, опешила дама.

– Отнюдь нет. Нам важно понять, кто ваш преследователь. Иного способа, кроме как поехать к нему на свидание, не существует, – логично рассуждал судебный следователь.

– Ах, вот вы как со мной?.. – сощурилась Тереза Страшкевич, возвращаясь в привычное амплуа. – Вам несколько меня не жаль! Вздумали ловить на живца? Не выйдет!

– У вас нет повода для беспокойств. В означенное время я буду рядом.

– И где же вы будете?.. – иронично спросила этуаль.

– Буду в соседнем номере. Как только вы с ним встретитесь, я тотчас появлюсь.

– А если он запрет дверь?..

– Я ее выломаю.

Тереза впервые поглядела на Горского как на мужчину, скептически оценивая его фигуру. Антон Федорович зардел и поспешил добавить:

– Или попрошу это сделать городского... которого возьму с собой.

Дама слегка успокоилась, однако всё еще сомневалась.

– Послушайте... Тереза, – продолжил уговаривать Горский, прибегнув к простому дей-ственному способу, обратившись к собеседнице по имени. – Настало время положить конец этим преследованиям и этому кошмару, в который втянул вас этот ненормальный. Давайте поймаем, наконец, этого негодяя! Устроим на него охоту!

Последнее слово подействовало. Глаза кафешантанной примы блеснули.

– Что ж, я согласна. Но учтите, *Антон Федорович*, если со мной что-нибудь случится, виноваты будете вы! – пригрозила она, хотя судебный следователь и сам это понимал.

– Отлично. Вы приедете в гостиницу ровно к семи вечера. Ничего не бойтесь, ведите себя естественно.

– А как мне вести себя с *ним*? – тревожно спросила она.

– Точно так же, как и с остальными джентльменами, в гости к которым вы иногда ездите, – колко ответил Горский.

Страшкевич сжала зубы, прожигая хама (с ее точки зрения) своими диковинными бледно-зелеными, болотными глазами.

После «Империала» Горский поехал в Европейский город. В его Коммерческой части, на Батумской улице, что пересекает проспект Витте, расположились захолустные «Юго-восточные номера» – скромная гостиница для тех, кому не по карману «Дальний» и «Москва», а также для тех, кто желает провести романтический вечер инкогнито.

Лысый толстый портье со вторым подбородком и хитрыми бегающими поросячьими глазами Антону Федоровичу сразу не понравился. Такой тип людей правду не скажет.

«Плохо дело», – подумал Горский, внимательно разглядывая гостиничного служащего.

– Доброго дня! Чего изволите-с?

– Доброго! – приветливо отозвался Антон Федорович и тотчас перешел на шепот: – Мне бы на вечер комнату...

– Понимаю-с, – заговорщицки кивнул портье.

Кажется, ничего не заподозрил. Горский в последний момент решил сменить стратегию. Сперва он рассчитывал задать вопрос о постояльце номера «7» в лоб. Однако увидев, что перед ним бывалый проходимец, обеспокоился за самый план. Такого человека сложно заставить говорить правду. Он скорее сдаст Горского маньяку и получит за это хорошую сумму.

– Вот, второй номер свободен, – портье протянул Горскому незамысловатый ключ с цифрой «2» на деревянном брелоке, осторожно наблюдая за реакцией нового постояльца.

– Я у вас впервые, поэтому сперва хотел бы осмотреть комнату... – неуверенно улыбнулся титулярный советник.

– Извольте!

Свиноподобный служащий провел Антона Федоровича к темному коридору. Справа и слева на одинаковых дверях висели цифры, обозначающие номера комнат. Номер «2», который предложили Горскому, находился в самом начале коридора и ближе всех к конторе служащего. Слишком далеко от номера «7», который располагался в конце противоположной стороны возле уборной.

– Я бы предпочел номер «7» или «8»... – деликатно возразил судебный следователь, указывая на дальние комнаты.

– Извините, заняты-с, – развел руками «Хряк».

– А может быть, хотя бы «6»?

– Простите, могу вам предложить только номер «2».

– Хорошо, показывайте.

Портье отворил дверь и впустил Антона Федорович в просторную комнату, обставленную дешево и, пожалуй, аскетично. Полуторная железная кровать, грубый стол, керосинка с полинялым салатовым абажуром, рядом венский стул и рукомоиник, узенькая беленая голландка в углу, клеенчатый диван, комод и доска с крючками вместо шкафа. Единственное грязное окно выходило во двор. Пройдясь по скрипучему и пыльному полу, Горский выдавил из себя непринужденную улыбку:

– Хорошо. Меня устраивает.

– В таком случае с вас полтора рубля, – нагло заявил портье. Цена была явно завышенная, однако у Антона Федоровича не оставалось выбора.

Получив деньги, портье вручил новому постояльцу ключ. Судебный следователь замер от удивления, чем вызвал непонимание гостиничного служащего.

– Что-нибудь еще? – нетерпеливо осведомился «Хряк».

– А вам разве не нужен мой паспорт?.. – удивился Горский.

Свинячьи глазки портье так и впилась в титулярного советника. Он долго молчал, что-то соображая. Наконец, ухмыльнулся:

– А вы, стало быть, сударь, хотите, чтобы я узнал вашу фамилию?

– Нет, простите... – сконфузился Антон Федорович. Вероятно, большинство постояльцев «Юго-восточных номеров» желали сохранить свое пребывание здесь в тайне. В этом была логика. Тем не менее, это являлось прямым нарушением закона.

«Надо будет обратить внимание Васильева на этот клоповник».

Возвращаясь в Административный городок, Горский с тревогой думал о предстоящем вечере. Во-первых, ему очень не понравился портье. От такого можно ожидать чего угодно. Во-вторых, комната номер «2» находилась довольно далеко от комнаты номер «7». Надо было преодолеть расстояние во весь коридор. В-третьих, окно номера «2» выходило во двор, что лишало судебного следователя возможности наблюдать за прибывающими, в отличие от номера «7», окно которого очевидно выходило на Батумскую. В-четвертых, в гостинице очень скрипучие половицы – едва ли удастся бесшумно пробраться к номеру «7». Все эти обстоятельства сильно усложняли предстоящую «охоту», однако нисколько ее не отменяли.

Из положительных моментов можно было выделить слабые замки на дверях. И хотя Горский не рассматривал замки других номеров, но представить, что все остальные комнаты оснащены первоклассными запорами, было трудно. Стало быть, помощь городского не потребуется. Да и какой мог быть городской, если Антон Федорович в последний момент решил заселиться инкогнито?

Время до вечера прошло быстро. Судебный следователь раньше обычного покинул присутствие, по пути купил коробку конфет и шампанского, дома переделался в штатское, для большей убедительности уложил волосы вежеталем и надушился одеколоном и попросил Кима отвезти его на Батумскую. Слуга озадаченно поглядел на хозяина. Антон Федорович понял, что без объяснений не обойтись.

– Прежде чем мы поедем, послушай меня внимательно, Ким, – посерьезнел Горский. – Я еду на «охоту».

– И давно вы стали плотолобцем? – несколько иронично ответил кореец, явно не поверив сказанному.

– Это не то, о чем ты подумал, – усмехнулся судебный следователь, отметив тонкое чувство юмора слуги. – Но сегодня я сыграю эту роль, чтобы попасть в «Юго-восточные номера». Мне предстоит поймать маньяка.

– Я хочу пойти с вами. Это может быть опасно.

– Это невозможно, иначе я себя быстро выдам. Ты приедешь за мной в половину восьмого вечера. Если я не выйду до восьми, то иди за мной в номер «2», а затем в номер «7», запомнил?

– Приезжаю в 7½, жду до восьми. Если вас не будет, иду в номер «2», а затем в «7».

– Ну, с Богом!

– Наган взяли? – заботливо поинтересовался Ким прежде, чем выйти.

Горский отвернул полу утепленного пальто и похлопал себя по поясу с правой стороны. Там под кремовым пиджаком топорщилась рукоятка револьвера.

В гостиницу Антон Федорович приехал в 6¼. Стемнело, однако в большинстве окон свет не горел. Не было его и в окне, принадлежащем номеру «7».

Портье встретил нового постояльца лживой улыбкой и игриво подмигнул. Горский осведомился, нет ли у служащего фужеров. Фужеров, конечно, не оказалось, но вот стаканы имелись в комодике номера, о чем «Хряк» с радостью и сообщил. По пути в коридор титулярный советник уловил голоса, доносившиеся из разных комнат.

В номере «2» с полудня ничего не изменилось. Судебный следователь поставил на стол шампанское и конфеты, снял пальто и шапку, повесил их на крючки, достал из комода стаканы, зажег керосинку и зашторил окно. Проверил голландку – теплая. Стало быть, служащий позаботился и об этом. Очень хорошо!

Умывшись, Антон Федорович завалился на кровать. Кровать, надо отдать должное, совершенно не скрипела и была много удобнее той, на которой спал Горский. «Юго-восточные номера» начинали приятно удивлять.

Лежа на пуховой перине, судебный следователь размышлял над тем, что совсем рядом, в седьмом номере, затаился маньяк, с животной страстью подстерегающий свою жертву. Что он сейчас делает? Должно быть, припал к окну в ожидании госпожи Страшкевич или мечется по комнате не находя себе места.

«Или так же, как я, лежит на кровати».

Из соседнего номера доносился едва заметный храп. Кто-то отдыхал после бурно проведенного дня.

Горский поднялся с кровати, расстегнул пиджак и быстро вышел из комнаты. В коридоре никого не было, однако голоса доносились отовсюду. Антон Федорович уверенной поступью направился в дальний конец, с каждым шагом приближаясь к заветному номеру «7».

Половицы скрипели так, что ни о какой конспирации не могло быть и речи. Подойти незаметно к комнате в дальнем конце представлялось задачей невыполнимой. Но это Горскому и не требовалось.

У седьмого номера он приостановился, вслушиваясь в тишину, а затем быстро скрылся в уборной, которой и заканчивался коридор. Здесь он притаился, по максимуму напрягая слух.

Ничего. Из соседних комнат не доносилось ни звука. К сожалению, звукоизоляция в санузле оказалась на редкость хорошей. Воспользовавшись сливом, Горский подождал, пока ватерклозет перестанет шуметь, и вышел назад в коридор. Вернувшись обратно в номер, он снова завалился на кровать в ожидании семи часов.

Время замедлилось. За окном поднялся ветер, просачивавшийся сквозь неплотно подогнанные рамы. Погода будто предупреждала о скорой опасности, тем не менее Антон Федорович был отчего-то спокоен. Возможно оттого, что все встречавшиеся ему маньяки оказывались на деле физически слабыми и ранимыми людьми, загнанными жизнью в состояние животного аффекта. Будто бешеная кошка, бросающаяся на человека – вред причинить может, но до смертельного исхода едва ли дойдет.

В коридоре начали хлопать дверьми, заскрипели половицы. Постояльцы, очевидно, курсировали до уборной и обратно. Кто-то недовольно вздыхал, где-то запахло жареной рыбой. Интересно, где ее здесь готовят?

Без четверти семь суматоха в коридоре прекратилась. Горский затаил дыхание, прислушиваясь к каждому шороху. Он совершенно не мог определить, заходил ли за это время кто-нибудь в номер «7» или нет.

Встав с кровати, титулярный советник осторожно подошел к двери. Из коридора не доносилось ни звука. Поглядев в замочную скважину, он с сожалением констатировал, что ничего разглядеть не удастся. Оставалось полагаться только на собственный слух, который его никогда не подводил.

Сразу после 7 часов в вестибюле скрипнула дверь. Послышался негромкий женский голос, принадлежавший, должно быть, Терезе Страшкевич. Задержавшись у портье буквально на секунду, она направилась в сторону коридора.

Горский припал к двери, вытащив из-за пояса наган. Постарался успокоить участвовавшее дыхание, однако удалось ему это слабо.

Антон Федорович с нарастающим волнением вслушивался в отдалявшийся скрип половиц. Сейчас всё решится. Сейчас что-то произойдет...

Госпожа Страшкевич, наконец, остановилась и громко постучала.

Горский взялся за ручку двери, готовый в любую секунду выскочить на помощь.

Тишина. Тереза постучала второй раз, сильнее и увереннее. Казалось, вся гостиница замерла в ожидании развязки.

Но ничего не происходило. Дама постучала в третий раз. Снова тишина.

Горский не выдержал. Его появление в коридоре заставило мадам Ардан-Страшкевич вздрогнуть от страха. Уверенной поступью он пошел к ней навстречу с револьвером в руке. Узнав судебного следователя, Тереза почувствовала облегчение и надежду.

Не говоря ни слова, Горский вышиб с ноги дверь. Дуло нагана уткнулось в безжизненную темноту. В комнате номер «7» никого не оказалось...

Сзади послышался тяжелый топот.

– Что здесь произошло?? – закричал подбежавший и запыхавшийся портье. Его пороссячьи глазки удивленно глядели то на Антона Федоровича, то на госпожу Страшкевич, то на сломанный замок и распахнутую дверь седьмого номера. – По какому праву вы выбили дверь???

– А по какому праву вы селите постояльцев без паспортов?? – заорал на него Горский, размахивая револьвером.

Служащий гостиницы затрясся мелкой дрожью, вскинул руки.

– Зажгите лампу! – приказал ему титулярный советник.

«Хряк» тотчас подбежал к керосинке. Спустя мгновение комната наполнилась слабым тусклым светом. Из коридора тем временем повысовывались испуганные постояльцы.

– Полиция! Всем оставаться на своих местах! Закрыть двери! – прокричал им Антон Федорович.

– Вы из полиции?.. – еще больше затрясся портье.

– Нет. Я судебный следователь, – быстро ответил Горский, разглядывая комнату. Ничего не обнаружив, он прикрыл дверь, скорчил злую гримасу и велел портье сесть. Послушно плюхнувшись на венский стул, «Хряк» с мертвенно-бледной физиономией ожидал допроса. Антон Федорович и Тереза остались стоять. Горский порой практиковал подобные допросы, когда подозреваемому приходится смотреть на следователя снизу вверх. Это психологически давит на человека и позволяет добиться больших сведений.

– Кто снял этот номер?

– Э... этот номер, как видите, свободен...

– Вот как?! – оскалился титулярный советник. Портье начинал его раздражать. – Но вы же сами сказали мне днем, что он занят! Что *все* номера заняты, кроме второго!

– Э... днем он еще был занят... но к вечеру освободился.

– Кто его нанимал?

– Я не знаю...

– Вы не знаете??

– Не знаю, – твердо повторил «Хряк». – Как не знаю и вас.

– А, вы сдали ему номер без паспорта! Прелестно! Полагаю, полицейский надзиратель Васильев будет весьма удивлен, когда узнает, что в «Юго-западных номерах» сдают номера без паспортов!

– Увы, но так делают во многих гостиницах, – безразлично пожал плечами портье, который, вероятно, был еще и владельцем гостиницы. – Хочешь заработать, умей угождать. Иной раз ваш брат чиновник о двух просветах или того выше заедут с барышней – какой уж тут паспорт! Кому охота светиться? За такое и закрыть могут...

– А вы, стало быть, владелец? – чуть умерил пыл Горский. Поведанное «Хряком» исправить невозможно.

– Он самый.

– То, что без документов постояльцев селите, незаконно, и надзиратель Васильев об этом узнает. Меня другое интересует. Эту комнату нанимал человек, который угрожал даме, – Антон Федорович кивнул в сторону Страшкевич. – Весьма вероятно, он психически неуравновешенный. Если вы не знаете его имени (что я допускаю), то его внешность вы должны помнить наверняка.

– Вы можете мне не верить, но я его никогда не видел...

Горский глубоко вздохнул, понимая, что с этим типом придется туго. Он почему-то всеми способами выгораживал съехавшего постояльца.

– Кому же вы тогда передали ключ от комнаты? Как это происходило?

– Приезжал рассыльный...

– Вы что, передали ключ от номера рассыльному?.. Вы меня за идиота держите?? – вспыхнул судебный следователь.

– Отнюдь нет... Но, поверьте, такие случаи бывают... Особенно когда важному человеку некогда отлучаться со службы...

– В какую форму был одет рассыльный?

– Признаться, я не запомнил...

– Я почему-то не удивлен, – нервно ухмыльнулся Антон Федорович. – Знаете что, сударь, вижу, пора мне прекращать с вами миндальничать. Передам вас в арестный дом. А там с вами будут разговаривать по-другому...

– Не нужно в арестный дом! – вскинулся «Хряк», но Горский тотчас сильным рывком усадил его обратно. Сам подивился, откуда в нем столько силы собралось.

– В таком случае выкладывайте всё, что знаете и что запомнили.

– Дело так было... – нехотя начал рассказывать портье. – Приезжал рассыльный с неделю тому. Шупленький такой паренек, ну, типичный мальчик на побегушках. Говорит, так, мол, и так, приличный господин велел снять у вас номер. Я ему: «Знаешь ли ты, сынок, что при заселении нужен паспорт?». А он мне: «Само собой, дядя. Оттого к тебе и послали!». Да и «красненькую» сует, гаденыш. Хорошо. Даю ему ключ от седьмого. Он комнату поглядел, остался доволен. Видать, хозяин его велел на что-то внимание обратить. Спрашиваю, на какой срок номер нужен? Покамест бессрочно, говорит. И еще две «красненькие» сует...

– Богатый шеф у него... – сказала вслух Тереза.

– Сожалеете, что не сумели с ним встретиться? – язвительно заметил Горский.

Страшкевич обиженно отвернулась. Портье продолжил:

– Уж верно богатый, коли по десятке легко отваливает... Заплатил, значит, юнец за комнату и удалился. А хозяин его так ни разу и не явился...

– А рассыльный?

– Приехал тем же вечером с шампанским и конфетами. Ну, как полагается... Оставил всё в номере и восвояси.

– А потом?

– Только нынче, часа за два до вас приехал, забрал шампанское и конфеты и ключ сдал. Говорит, спасибо, дядя, за всё, сдачи не надо.

Горский задумался. Очевидно, что постоялец решил съехать после того, как в гостинице побывал сам Антон Федорович. Чем-то он его вспугнул...

Дьявол!.. Теперь маньяк уже никогда не сунется в «Юго-восточные номера», а хорошо спланированная диспозиция с треском провалилась.

Антон Федорович потер висок рукояткой от револьвера. Холодная сталь заставила мозг думать.

«Если следили за Терезой, могли следить и за мной, – размышлял Горский. – Особенно если учесть, что у маньяка есть помощник в качестве рассыльного. Тогда мой визит в «Юго-восточные номера» выглядел чрезвычайно опасно, и он решил не рисковать».

Нет, поверить в то, что за ним следили, невозможно. Внимательный Ким непременно бы обратил на это внимание. Да и сам Антон Федорович не лыком шит. Зоркий глаз подмечает самую мелочь. В этот момент в голове судебного следователя возникла интересная мысль.

Оставив портье и Терезу в номере, Горский быстро вышел в коридор, направляясь к выходу.

– Куда вы? – послышалось ему вслед от госпожи Страшкевич, но судебному следователю было не до нее.

Добравшись до вестибюля, Горский бесцеремонно зашел за конторку и принялся рыскать по ящикам. Спустя полминуты перед ним возникла тучная фигура портье и стройный стан этуали.

– Так я и думал! – победоносно воскликнул Антон Федорович, демонстрируя найденный ключ, а точнее его брелок. – Это ключ от седьмого номера!

– Верно. Его сегодня вернул рассыльный, – спокойно ответил «Хряк».

– Вы лжете! – заявил судебный следователь. – Здесь в каждой ячейке по ключу! Это всё запасные ключи, чтобы вы могли в любой момент войти в номер. Например, чтобы растопить голландку, как вы сделали в моей комнате. У постояльцев же свои ключи. Да, вы не солгали мне, когда говорили, что все номера заняты. Но вы обманули меня, сказав, что рассыльный сдал вам ключ! Он по-прежнему у него!

У владельца гостиницы выступили на лице красные пятна. Он попытался было что-то объяснить, но захлебнулся в собственных словах.

– Более того, – наседали Антон Федорович, – из всего вышеизложенного я делаю вывод, что это именно вы предупредили рассыльного, а быть может и самого *постояльца*, о моем визите...

По лицу «Хряка» Горский понял, что всё именно так и было. Сняв рожок с аппарата, он телефонировал Васильеву.

– Степан Ильич? Добрый вечер!.. Это судебный следователь. Приезжайте немедленно в «Юго-восточные номера» и прихватите с собой городского... Нет, ничего страшного не случилось. Необходимо этапировать владельца гостиницы в арестный дом... На месте объясню. Жду!

«Хряк» затоптался на месте, покрылся испаринами.

– Не отдавайте меня под арест! Богом прошу! – взмолился он. – Всё расскажу! Как есть расскажу!.. Да, это я позвонил постояльцу, предупредил о вас...

– Таак! – нахмурился Горский, но в душе обрадовался, что удалось-таки раскусить подлеца. – Чем же я себя выдал?

– Вы мне сразу показались подозрительными... Сразу видно, что вы, пардон, в этом деле не опытни...

– Это в каком же? – не понял титулярный советник.

– В селадоническом.

– Гм...

– При этом без кольца обручального. А зачем неженатому у нас комнату нанимать? Положительно нет резону. Вот и определил я, что вы за супругой взялись следить, или по заданию чьему-нибудь. Малец-рассыльный меня тогда предупредил, что господин его велел сразу дать знать, коли кто подозрительный в гостинице объявится. Говорит, шеф его с замужней барыней хороводится, боится, что благоверный ее прознает да полицию натравит...

– Ловко придумано! – оценил Горский. – На какой номер телефона вы ему звонили и с кем говорили?

– Вот номер... – владелец гостиницы протянул смятую бумажку, которую вытащил из кармана широченных брюк. На ней карандашом был выведен четырехзначный номер.

– Кто взял трубку?

– Тот самый малец.

– Гм... А как представился?

– Так я первый представился... Он так велел.

– А что еще он велел?? – обозлился судебный следователь.

– Молчать велел...

Полицейский надзиратель Васильев прибыл быстро и тотчас попытался вникнуть в суть дела. Это у него не получилось, потому что Горский ограничился жалобой на заселение в номера без документов. Степан Ильич на это облегченно вздохнул, но владельца гостиницы отчитал. Верно, подобные попустительства встречаются сплошь и рядом. Предложил на первый раз ограничиться устным замечанием и денежным штрафом. Горский был не против, потому как все необходимые сведения «Хряк» ему уже сообщил. Хотя правильнее было бы сказать: не смог утаить.

На том и порешили.

На Батумской Антона Федоровича ждал Ким. Судебный следователь помог даме залезть в рикшу, затем запрыгнул сам и назвал помощнику адрес «Имперала».

Ехали молча. Холодный ветер со снегом пронизывал насквозь. Чтобы как-то согреться, Горский и Страшкевич, не сговариваясь, прижались друг к другу. Никто из них не намеревался таким образом флиртовать, однако обоим было приятно находиться в тесной близости.

– Охота не удалась?.. – печально улыбнулась Тереза, слезая с рикши.

– Уверяю вас, сударыня, мы его найдем! – убежденно ответил титулярный советник, галантно подавая даме руку.

– Главное, чтобы он не нашел меня первым...

– Я этого не допущу. Знайте, судебный следователь Горский всегда к вашим услугам.

Простившись с Терезой Страшкевич, Антон Федорович вернулся домой.

– Вам нравится эта дама, господин? – спросил вдруг Ким, когда они сидели на кухне у самовара.

– Сложный вопрос, – задумался судебный следователь, разглядывая черные чайники в чашке. – Она с виду очень красива, но в общении постоянно играет разные роли, меняя маски, будто древнегреческая актриса, отчего не поймешь, какая она есть на самом деле. Более того, мне кажется, что ей так привычнее и удобнее и что она уже утратила ту естественность и природность, которая свойственна простым барышням... Поэтому на твой вопрос, нравится ли мне эта дама, отвечу скорее да, чем нет. А тебе она понравилась?

– Скорее нет, чем да.

5. Филёр

Утром следующего дня, перед тем как отправиться в присутствие, Горский наведлся в полицейское управление. Там он быстро отыскал надзирателя Административного городка Дминского и поручил ему установить принадлежность четырехзначного телефонного номера, на который звонил владелец гостиницы на Батумской. Дминский сослался на чрезвычайную занятость по вновь открывшемуся делу о похищенной двухсотрублевой ренте Русско-Китайского банка, но обещал до обеда необходимые сведения собрать и предоставить «его благородию».

В своей камере Горский провел два допроса и, по случаю выдавшейся свободной минутки, погрузился в чтение «Нового Края», свежий выпуск которого купил по дороге. В первую очередь его волновала внешнеполитическая обстановка в мире.

В газете, со ссылкой на агентство Рейтер, приводились любопытные предложения, сформулированные Россией:

1)

«Япония получает в Корее различные концессии». И это правильно.

2)

«В Южной Корее Япония получает свободу действий, как того требуют экономические и стратегические интересы». И это логично.

3)

«Россия предоставляет Японии в Северной Корее свободу торговли, но ни в Южной, ни в Северной Корее Япония не займет крепостей». Весьма дальновидное предложение, хотя насчет Южной Кореи можно было бы пойти на уступки.

4)

«Вдоль Ялу и Тумень-ула устанавливается нейтральная полоса в 50 километров шириной, где ни Россия, ни Япония не могут иметь крепостей. Корейский пролив остается нейтральным и свободным для русских судов». Но если подразумевается, что Япония не может иметь крепостей в Корее, то для чего ее упоминать?

5)

«Касательно Маньчжурии Россия не принимает никаких условий, но готова выслушать мнения Японии и других держав, заинтересованных в торговле Маньчжурии». Ахиллесова пята современной русской дипломатии. Поступаем с Маньчжурией как собака на сене. Положили лапу на большую территорию, намереваясь ее каким-то чудом удержать и присоединить, но при этом не желаем и физически не можем ее развивать, поэтому постоянно отгоняем от лакомого куска назойливых «интервентов».

Далее судебному следователю попала на глаза телеграмма из Токио, в которой говорилось, что Япония ждет от России ответ, но при этом всецело готова к войне, а в японском обществе царят патриотические настроения.

«В германских официальных кругах считают, что война между Россией и Японией возможна в недалеком будущем», – звучит устрашающе. Но еще более Горского расстроили сообщения о ратификации китайско-американского торгового договора в Вашингтоне. И, более того, президент Рузвельт уже назначил в Мукден и Аньдун консулов. Это означало лишь одно: раз Северо-Американские Соединенные Штаты пустили свои корни в Маньчжурии, нас ждет в этой китайской провинции жестокое противостояние. И что бы обнадеживающего и пацифистского не писали хроникёры из европейских столиц, именно тогда, 8 января 1904 года, Горский понял, что война между Россией и Японией неизбежна.

Раздосадованный и подавленный, судебный следователь уже хотел было отложить газету в сторону, как ему на глаза попало маленькое объявление:

«Докторъ медицины Подпорожскій за отъѣздомъ изъ Дальняго прекратилъ пріемъ больныхъ до 15 февраля».

Антон Федорович знал лишь одного доктора в Дальнем, по фамилии Надпорожский. Интересно, это банальная опечатка или всё-таки Иван Порфирьевич действительно покинул город?

Логика подсказывала титулярному советнику, что едва ли в Дальнем был еще один врач с похожей фамилией. Вместе с тем становилось понятным странное поведение Надпорожского на крещенском маскараде. Иван Порфирьевич, очевидно, стеснялся раскрывать свои намерения. Любопытно, куда он уехал и почему только до 15 февраля?

Впрочем, каких-либо дел к доктору медицины у Горского не было. Жаль, конечно, что в Дальнем у него теперь на одного знакомого стало меньше, но с этим ничего не поделаешь.

Антон Федорович вытащил из кармана смятую бумажку с четырьмя цифрами. Его так и подмывало телефонировать на этот номер, чтобы поскорее узнать его тайну. Однако здравый смысл не позволил титулярному советнику совершить ошибку: сообщник маньяка мог почувствовать неладное и скрыться.

Сообщник маньяка... Что за глупости? Как может быть у маньяка сообщник??

Мысли судебного следователя завертелись вокруг фигуры юного рассыльного. Стал бы он помогать маньяку? Очевидно, нет. Стало быть, не догадывается, что тот маньяк. При этом он знает, для чего его покровитель нанимает комнату в гостинице и помогает ему в этом. Почему? Вероятно, испытывает острую нехватку денег...

Горскому вспомнился порт-артурский почтово-телеграфный служащий Шлянкер, ловко одурачивший десятки дальнинцев. Нужда всему виной...

В 11½ часов в камере мирового судьи раздался телефонный звонок. К аппарату пригласили господина судебного следователя. Полицейский надзиратель Дминский извинялся, что не смог заехать лично, и в итоге поведал любопытные сведения:

– Номер, который вы мне сообщили, принадлежит... почтово-телеграфной конторе, – бодро отрапортовал он.

Горский мысленно усмехнулся. Поблагодарив полицейского, он повесил трубку. Мысли забегали в его голове, как муравьи при возведении муравейника.

Главный вопрос сводился к одному: брать ли юного телеграфиста сразу или установить за ним слежку. В первом случае имелся риск того, что своего «работодателя» малец никогда не видел и посему ничего полезного не сообщит. Во втором случае он может заметить слежку и исчезнуть, уехать. Таким образом, ниточка, ведущая к маньяку, могла оборваться в любой момент. Но она была, и одно это уже не могло не радовать.

Маньяк, преследовавший Терезу Страшкевич (а вернее мадам Ардан), представлялся Горскому умным и расчетливым человеком. Такого в толпе обывателей никогда не определишь. Все его действия осторожны и последовательны. Именно поэтому Антон Федорович решил отказаться от поспешного ареста телеграфиста, но установить за оным скрытое наблюдение. С этой целью он снова поехал в полицейское управление.

Сыскных агентов в распоряжении дальнинского полицмейстера не было, поэтому судебный следователь снова обратился за помощью к Дминскому. Просил того во-первых, установить, кто в почтово-телеграфной конторе отвечает по четырехзначному номеру и где квартирует. Во-вторых, приставить к объекту филёра из числа свободных городских (заодно и обучится человек ремеслу). В-третьих, не позднее субботы 10 января сообщить ему, Горскому, о результатах слежки: к кому ходил объект, с кем разговаривал и т. п. Полицейский надзиратель тяжело вздохнул. Видно было, что задача перед ним стояла трудная, особенно ввиду обилия своей работы. Дминский мог легко отказать, сославшись на занятость – его прямой начальник не судебный следователь, а полицмейстер. Но не в характере полицейского надзирателя Административного городка было манкировать просьбами Антона Федоровича. Имел

он к Горскому громадное уважение за его бескорыстную службу и быстрый ум, поэтому согласился исполнить просьбу и в этот раз.

Прошло два дня. Тереза Страшкевич не звонила, поэтому Антон Федорович смел надеяться, что у кафешантанной примы всё хорошо. Из полиции известий также не поступало.

В полдень Горский собирался отправиться в кухмистерскую пообедать, как на пороге его камеры возник долговязый парень с седеющей головой, торчащими ушами и легкой щетиной. Его лицо выражало крайнюю сосредоточенность и носило оттенок скудоумия. Он был одет в черное неприметное пальто, в руках сжимал шапку-пирожок.

– Д-добрый день, – поздоровался он, заикаясь. – Мне н-нужен судебный с-следователь Горский.

– Я к вашим услугам, – с готовностью отозвался титулярный советник. «Похоже, про обед придется забыть».

Долговязый утвердительно кивнул и закрыл за собой дверь. Антон Федорович напрягся, пригласил посетителя присесть. Парень снова кивнул и уселся на венский стул напротив.

– Позвольте узнать, что привело вас ко мне? – судебный следователь взял инициативу, чтобы не утруждать заику лишними объяснениями.

– М-меня зовут Самсон. Самсон Семенов, – представился долговязый, что с точки зрения этикета было правильно. – Я с-служу городовым н-низшего оклада...

– Вот как?.. – немало удивился титулярный советник. Только теперь он понял, для чего тот явился.

«Гм... Дминский подобрал хорошего человека для наружного наблюдения – никогда не угадаешь в нем полицейского».

– Вам п-поклон от г-господина Дминского, – едва заметно улыбнулся Семенов. – В-ваше б-благородие уже, вероятно, д-догадалось, зачем я з-здесь...

– Да. И прошу называть меня впредь Антоном Федоровичем, – сразу попросил судебный следователь из соображений милосердия. Словосочетание «ваше благородие» давалось Самсону Семенову чрезвычайно тяжело.

Долговязый городской в штатском снова утвердительно кивнул. Вероятно, привычка кивать выработалась у него вследствие заикания – чтобы не произносить лишние слова. Достав из кармана пальто записную книжку, он принялся докладывать:

– Объекта з-зовут Василий Безродный. Осемнадцати лет от роду, п-православный. Служит в п-почтово-телеграфной к-контуре чиновником VI разряда н-низшего оклада.

– Как и Шлянкер... – сказал вслух Горский. Сходство с порт-артурским мошенником было поразительным. Они что там, в почтовой конторе, все такие эти чиновники VI разряда??

– П-простите? – не расслышал Семенов.

– Ничего, продолжай, пожалуйста.

Новоиспеченный филёр кивнул и снова уткнулся в свои записи:

– Б-безродный принимает все з-звонки, входящие в к-контору. Что-то в-вроде секретаря у них... Проживает в казенной к-комнате на Беляевской, в-возле казарм.

– Очень хорошо! А скажи, Самсон, с кем он в эти дни встречался и кого навещал?

Семенов перевернул страничку в записной книжке.

– Третьего д-дня, когда я н-начал его вести, он н-никуда со службы не отлучался, кроме к-кухмистерской. Но там н-ни с кем н-не общался. Домой шел один. Из дому н-не выходил. Вчера ни свет н-ни заря пришел в к-контору. Отлучался единожды н-на обед и всё. Столовался один, д-домой возвращался т-также в одиночку.

– А сегодня?

– С-сегодня то же самое.

– Сейчас обеденное время, – Горский показал на настенные часы, – он может встретиться с кем-нибудь, пока мы тут разговариваем.

– Нет, – твердо возразил Семенов, сдвинув брови. – Объект столуется н-не ранее трех. К этому времени и н-народу меньше, и ч-частенько цены н-ниже (чтоб еда н-не пропадала).

Самсон Семенов, хотя на вид и казался простаком с примитивной физиономией, в деле наружного наблюдения оказался довольно сообразителен и подкован. А специфические слова, которыми оперируют сыщики («объект», «начал его вести») наводили на определенные мысли.

– Вижу, Самсон, есть в тебе задатки филёра!

– Так я п-полгода служил в с-сыском, – откровенно признался долговязый парень без всякого позерства. Горскому пришлось по душе такая честность.

– А в каком городе? – уточнил судебный следователь.

– В П-Петербурге.

– В Петербурге?.. – удивился Антон Федорович. – Значит, повезло мне с тобой.

Семенов кивнул – скорее механически, чем осознанно.

– А сам откуда?

– Из-п-под Саратова.

– Эко тебя помотало по Империи!

Снова кивок, но уже сознательный и с улыбкой. Самсон Семенов определенно вызывал симпатию. Была в нем какая-то искренняя чистая простота, которая встречается только в русском крестьянине.

– Что п-прикажете, Антон Федорович? – спросил филёр после непродолжительной паузы.

– Продолжай вести объект. Рано или поздно он понесет записку в «Империял». Если к этому времени он так ни с кем и не встретится, бери его.

Семенов кивнул, тотчас вскочил и ушел, не сказав ни слова. Что называется по-английски.

«Вот так размышляешь над невеликими умственными способностями человека, а он, поди ж ты, в столичном сыском отделении служил», – думал Горский, поднимаясь из-за стола.

Испив с письмоводителем мирового судьи чаю с баранками, Антон Федорович вернулся к делам, так и не отобедав.

Была суббота, поэтому вечером титулярный советник поехал в гости к Унгебауэру. В гостиной лейтенанта флота шла активная политическая дискуссия.

– ...Однако какие мерзавцы американцы!.. – с пеной у рта декламировал Фридрих. – Исподтишка, не за ради собственной выгоды, но чтобы единственно насолить нам, заключают с Китаем договоры по торговле в Маньчжурии!

– Антуан, присоединяйся! – обрадовался всегда улыбчивый хозяин особняка. – Ты как раз вовремя: мы присутствуем на знаменательном событии! Наш дорогой Фридрих окончательно обрусел!

Сдержанный смех прокатился по гостиной.

– Вы уже получили российское подданство? – спросил у химика Гвоздевич.

– Месяц назад отправил прошение в канцелярию Наместника, но покамест не получил ответа, – не без сожаления ответил Ланфельд.

– Вероятно, генералу Алексееву нынче не до этого, – вставил ремарку драгоман Эссельсен.

– Oh, yes! He's obviously preparing to deport all the English, – со злой иронией добавил мистер Ливз.

– Вы не правы, дорогой Эдуард! Я убежден, что никакой войны и тем более депортации иностранцев не будет – здравый смысл восторжествует! – жизнерадостно и оптимистично поддержал друга Унгебауэр.

– Вашими бы устами, Демьян, да мед пить, – хохотнул Гвоздевич.

– Не мед, а коньяк! – отшутился лейтенант флота, разливая по рюмкам «Мартель». – А для Антуана у меня есть марсала!

– Господа, – обратился к друзьям Горский, поднявшись, – начнется ли война или нет – это не столь важно. Безусловно, я не желаю развертывания боевых действий на Квантуне, однако я хотел сказать не об этом. Я хочу, господа, выпить за то, чтобы несмотря ни на что мы оставались друзьями и во всем помогали друг другу!

– Замечательно сказано!

Взметнувшиеся вверх рюмки вскоре быстро опустели.

Через четверть часа Унгебауэр объявил, что сегодня они снова едут в «Империял» слушать несравненную Зизи Ардан.

– Ты хотел сказать «смотреть», а не «слушать», – поправил его Гвоздев и, конечно, был прав.

Поехали вчетвером, потому как британцы снова отказались.

Как и в прошлый раз, кафешантан при «Империяле» был полон народу. Корпулентный распорядитель с зализанной назад шевелюрой тотчас узнал Унгебауэра и без лишних слов провел вновь прибывших господ за столик в первом ряду.

– Прекрасные места! – обрадовался Фридрих, присаживаясь. – Демьян, как тебе это удалось?

– О, мерси! – расплылся в улыбке лейтенант флота. – Как удалось? Я всего лишь телефонировал им в четверг и попросил зарезервировать за мной самый ближайший к сцене столик!

– И с вас не потребовали аванс? – удивился Гвоздев.

– Отнюдь нет! – возгордился Унгебауэр. – Распорядитель узнал меня, благо в прошлый раз мы с ним познакомились!

Приглушили свет. На сцене появилось трио барышень с голыми животами, лица которых закрывали полупрозрачные платки. Под восточные ритмы танцовщицы грациозно задвигали бедрами и замахали руками.

Джентльмены тем временем заказывали шампанское и конфеты – все готовились к выходу Зизи Ардан.

Прима появилась под громогласные овации и, кажется, не ожидала такого приема. Сегодня на ней было великолепное муаровое платье цвета квантунской ночи, которые прекрасно дополняли, будто звезды в небе, жемчужные серьги и колье. Цветочной тиары на ней на сей раз не было, но это нисколько не умоляло ее природную красоту.

Окинув своим печальным взглядом замороженную публику, мадам Ардан начала петь необыкновенно чувственно и величественно:

Пусть это сон, пусть все обман!

И эти ласки огневые,

И наши грезы золотые

Пусть разлетятся, как туман...

Выдержав необходимую паузу, она с еще большей страстью пропела припев:

Миг этот наш, при звоне чаш

Замри в порыве наслажденья,

Любви прочувствуй упоенье

И верь сильней любви своей,

И верь сильней любви своей!

– Верь сильней любви своей... – повторял шепотом Унгебауэр, не сводя глаз с примы.

Пусть безрассудочно сождем

Мы жизнь и сердце своевольно,

Пускай поплатимся мы больно,

Зато теперь мы счастье пьем...

С последними аккордами фортепиано зал разразился бурными аплодисментами и криками «браво!». Джентльмены поднялись со своих мест, чтобы стоя выразить свое восхищение очаровательной исполнительнице.

Горский осмотрелся. За соседним столиком активно хлопали господа в черных визитках с золотыми цепочками часов. Часть из них была гладковыбрита, но все как один с напомаженными волосами и аккуратными проборами.

«Банкиры», – определил Горский. Именно они в прошлый раз ангажировали мадам Ардан первыми. Одни из них, с острым длинным носом поймал взгляд Антона Федоровича и недобро нахмурил брови.

Мадам Ардан скрылась за кулисами, а вместо нее на сцене появился толстяк-распорядитель и антрепренер в одном лице. Он предсказуемо начал расхваливать свою приму, делясь с публикой ее гастрономическими предпочтениями. И снова завертелось колесо торговли. Очевидно, одни только конфеты и шампанское составляли не меньшую прибыль заведения, нежели самые входные билеты.

Вскоре Горский остался наедине с Гвоздевичем: Фридрих уехал домой, сославшись на плохое самочувствие, а Унгебауэр отлучился в уборную.

– Хорошо, что у нас выдалась минута поговорить с глазу на глаз, – быстро заговорил Гвоздевич, периферическим зрением поглядывая по сторонам.

Судебный следователь внутренне подобрался.

– У вас какое-то дело ко мне? – догадался он.

– Да, – утвердительно кивнул штабс-капитан. Оглянувшись и проверив, не идет ли Демьян Константинович, офицер стрелков продолжил: – Полагаю, Антон Федорович, вы, как человек умный и рассудительный, понимаете, что война с Японией неизбежна...

Горский молча кивнул как давеча филер Семенов.

– Боевые действия могут начаться через неделю, две, через месяц или даже полгода. В любом случае важно то, что *они начнутся*, – проговорил Гвоздевич с какою-то неминуемой обреченностью. – Что вы тогда будете делать?

– Продолжу служить Отечеству, – спокойно ответил судебный следователь без всякого пафоса.

– Где именно? – задал странный вопрос Георгий Сильвестрович.

– В Дальнем, конечно.

– Значит, я в вас не ошибся, – офицер 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка удовлетворенно кивнул. Глаза его заблестели.

– Вы хотите сделать меня своим осведомителем? В этом нет необходимости, потому как я не обладаю сколько-нибудь ценными сведениями, а теми, которыми обладаю, охотно с вами поделюсь.

– Я хочу сделать вас, Антон Федорович, не осведомителем, а агентом, – произнес Гвоздевич тоном, которым судья выносит смертный приговор. Взгляд штабс-капитана замер на сосредоточенном лице титулярного советника.

– Гм... – Горский не знал, что ответить. Такого поворота событий он не ожидал.

– У вас острый ум, вы довольно успешно раскрываете преступления, в чем я имел честь убедиться лично, – Георгий Сильвестрович продолжил осыпать судебного следователя комплиментами. Под конец он едва слышно прошептал: – Мне чрезвычайно необходим такой человек, как вы. С началом войны меня, вероятно, перебросят на фронт. За Дальним некому будет присматривать...

– Выявление японских шпионов сродни поиску преступников, – также тихо ответил Антон Федорович, делая важнейший выбор в своей жизни. – Это как раз то, к чему я привык.

– Нет, это как раз то, к чему вы не привыкли, – леденящим голосом возразил Гвоздевич. – Здесь от вас рано или поздно потребуется перейти этическую границу. Готовы ли вы к этому?

– К чему?..

– *Ко всему.*

– Меня не пугают ваши слова, Георгий Сильвестрович.

– Вы вправе отказаться. Поверьте, дорогой друг, я не хочу давить на вас...

– Я согласен, – однозначно заявил Горский.

– Что это вы такие серьезные? – раздался голос вернувшегося Унгебауэра за спиной у Антона Федоровича, который невольно вздрогнул. – Снова о войне спорите?

– Да, – честно признался судебный следователь.

– Ну ее к черту! Давайте лучше выпьем!

Веселье продолжилось: на сцене вновь появилась несравненная Зизи Ардан. От цепких глаз Горского не ускользнул мертвенно-бледный оттенок, появившийся на ее прекрасном лице.

Исполнив два романса кряду, она по традиции начала «обход» столиков, начав снова с «банкиров». Лучи софитов тем временем выхватили появившихся на сцене танцовщиц живота, однако это не помешало компании Унгебауэра наблюдать за происходящим по соседству. А там остроносый фронт позволил себе обнять Зизи за талию. Антон Федорович и Демьян

Константинович так и замерли в переполнявшем их негодовании. Оба, казалось, готовы были в любую секунду растерзать наглеца в клочья. И только Георгий Сильвестрович взирал на происходящее с индифферентным выражением лица.

Мадам Ардан с фальшивой улыбкой высвободилась, но от господ в визитках не ушла. Оно и ясно: это противоречило законам коммерции, которые в сим заведении превалялись. Горский даже предположил, что в контракте этиуали с антрепренером подобные взаимоотношения с клиентами строго регламентированы.

Вторых по счету прима одарила своим визитом компанию Унгебауэра. На этот раз она расположилась между лейтенантом флота и штабс-капитаном, чем очень огорчила Антона Федоровича. Почему-то подобные вещи задевали титулярного советника больше всего и долго затем не отпускали.

– Кажется, в прошлый раз вас было четверо? – заметила мадам Ардан, улыбаясь и глядя исключительно на Демьяна Константиновича.

– О, вы чрезвычайно внимательны, милая Зизи! – расшаркался лейтенант. – Наш Фридрих пал жертвой вашей неземной красоты!

– Что вы такое говорите, *Демьян!* – кокетничала этуаль. – Надеюсь, с ним всё в порядке?

– Не стоит волноваться. О нем позаботится его супруга, – недипломатично ответил Унгебауэр, «срезая» конкурента.

– Вот как? – наигранно удивилась дама. – А о вас, *Демьян*, есть кому позаботиться?

– На меня наплевать даже моему камердинеру... – пожаловался лейтенант. – Но мой особняк слишком велик для меня одного. Я с радостью разделю его с той, которая возьмет на себя смелость быть моей спутницей...

Наблюдая за их диалогом, Горскому показалось, что Унгебауэр действительно запал в душу мадам Ардан. И дело тут даже не в финансовом благосостоянии, и не в офицерском чине, а в какой-то невидимой химии.

– А где находится ваш особняк? – полюбопытствовала вдруг этуаль.

– На Угольном проспекте, сразу за Общественным собранием, – гордо выгнул спину лейтенант.

– О, я видела ваш особняк! Он действительно довольно велик. Неужели он весь принадлежит вам?

– Именно так!

– Гм, а я полагал, что он принадлежит Морскому пароходству общества К.В.ж.д., – вставил колкую ремарку Гвоздевич.

Унгебауэр сжал зубы, покраснел, но ответил с достоинством:

– Ты прав, Жорж, все дома в Административном городке принадлежат государству. Однако это ничего не меняет: я доволен своей службой и в отставку не собираюсь, поэтому, убежден, особняк на Угольном еще долго будет местом моей постоянной дислокации.

– Зря вы завидуете своему другу, – спокойно произнесла Зизи Ардан, бросив косой взгляд на штабс-капитана.

– Я ему не завидую, – ухмыльнулся Гвоздевич. – Не представляю, как он будет выпутываться из ваших сетей, в которые угодил.

Напряжение спало, Демьян Константинович перестал глядеть на друга волком, а мадам Ардан сконфуженно улыбнулась.

Выпили шампанского. Наконец, кафешантанная прима обратила внимание на Горского.

– Вы, если не ошибаюсь, судебный следователь?

«О, как же искусно она играла свою роль! Будто едва его знает»

– Всё верно, сударыня. Судебный следователь Горский. Антон Федорович.

– Всех жуликов изловили, Антон Федорович? – спросила ради приличия Тереза Страшкевич, однако вопрос ее в действительно касался пресловутого маньяка, и Горский это сразу понял.

– Жуликов ловит полиция, сударыня, – двусмысленно ответил титулярный советник. – Я же провожу дознания и оперирую общим ходом дела, направляя его в нужное русло.

– Я слышала, в Маньчжурии участились случаи нападения хунхузов...

– Не стоит слепо верить газетчикам. Они порой сочиняют такие небылицы, что волосы дыбом встают, – поспешил успокоить ее Горский.

– Вы бы лучше не хунхузов опасались, а господ, что сейчас глядят на вас со всех сторон. Вот уж кто действительно может на вас напасть! – пошутил Гвоздевич.

Лицо мадам Ардан вытянулось и замерло в немом страхе.

– Не отчаивайтесь, милая Зизи! Я буду биться за вас до последней капли крови! – горячо воскликнул Унгебауэр.

Антону Федоровичу вдруг стало страшно за своего друга. Что, если ему действительно удастся покорить сердце Терезы Страшкевич? В этом случае Демьяну Константиновичу придется столкнуться с маньяком, который едва ли так просто откажется от своих темных намерений.

Горский огляделся. Возможно, маньяк сейчас в этой самой зале...

– О, вы настоящий рыцарь, Демьян! – нежно проговорила мадам Ардан, положив руку на плечо лейтенанта флота.

– Приглашаю посетить мой особняк, милая Зизи! Это настоящий замок! В нем вы будете чувствовать себя в безопасности! – пошел «на абордаж» Унгебауэр.

– С удовольствием поглядела бы, – смело заявила этуаль.

– Отлично! Моя коляска будет ждать вас в полночь у черного хода! – обрадовался Демьян Константинович. Глаза его светились как никогда ярко.

Вскоре Зизи Ардан упорхнула за другой столик.

– Мои поздравления, Демьян! – похвалил друга Горский, подавляя в глубине души нарастающую зависть.

– Будьте с ней осторожны и благоразумны, – посоветовал Гвоздевич. – Если вы в эту ночь не потащите ее в кровать, рискуете найти себе преданную жену.

– Много ты знаешь! – махнул на него аффектированный Унгебауэр, но странный совет, похоже, принял к сведению.

Гвоздевич и Горский разъехались в 11½ вечера, оставив Демьяну Константиновичу время собраться с мыслями. Дома Ким вручил Горскому записку и запечатанный конверт без подписей.

В записке говорилось следующее:

«Объект никуда не отлучался. С-въ.»

Стало быть, Василий Безродный снова ни с кем не встречался. Гм...

В запечатанном конверте оказалось небольшое послание, которое заставило Горского надолго задуматься:

«Онъ снова настаиваетъ на встрѣчѣ. Завтра въ 7 вечера въ Юго-восточныхъ номерахъ, комната 7. Записка лежала подъ дверью моей гримерки! Т.С.»

По спине Антона Федоровича пробежал неприятный холодок. Перечитав еще раз записку от мадам Ардан-Страшкевич, он в замешательстве потерял виски. По всему выходило, что в момент выступления этуали маньяк находился в зале кафешантана. Тереза, вероятнее всего, обнаружила записку в антракте своего выступления. Во время второго выхода на сцену она была неестественно бледна – это всё объясняет. Самому маньяку едва ли удалось бы проникнуть незамеченным за кулисы. Вероятно, он подрядил на это дело кого-то из официантов...

Теперь понятно, почему Тереза Страшкевич решила принять приглашение Унгебауэра посетить его особняк. В Демьяне Константиновиче она увидела опору и поддержку.

«Интересно, поведает ли она ему о маньяке?..»

Если да, то лейтенант флота непременно об этом расскажет. Однако каков наглец маньяк: назначил повторное свидание в тех же «Юго-восточных номерах» и даже в той же самой седьмой комнате! Ничего не боится!

«А впрочем, так даже лучше... – мелькнуло в голове судебного следователя. – Это значит, что владелец гостиницы показал себя надежным человеком и заслужил доверие».

Единственное, что расстраивало титулярного советника так это то, что в «Юго-восточные номера» ему теперь ехать опасно. Кто знает, как поведет себя владелец?

Дело приобретало новый поворот. Охота на маньяка возобновлялась, но только охотником на этот раз выступит Самсон Семенов.

6. Компрадор и конец истории с маньяком

Воскресным утром Горский ждал звонка от Терезы Страшкевич. Он резонно полагал, что она непременно с ним свяжется, чтобы согласовать вечернюю операцию. Но телефон в доме судебного следователя молчал...

В полдень Горский не выдержал и поехал в «Имперал». В гостинице его встретили крайне враждебно и заявили, что госпожа Страшкевич в настоящее время отсутствует. То ли она действительно еще не вернулась от Унгебауэра, то ли это была стандартная формулировка для искушенных поклонников. Титулярному советнику ничего не оставалось, как вернуться домой.

Спустя какое-то время к нему явился незнакомый городской и вручил записку «от Самсона». Значит, Семенов узнал что-то важное, но побоялся отпускать объект из поля зрения – передал послание с оказией. Молодец, грамотно поступил. Филёр писал следующее:

«Сегодня въ 9¼ ч. объект ъздиль на Батумскую въ Юго-вост. номера. При немъ имѣлся бумажный свертокъ, предположительно съ виномъ и еще чѣмъ-то. Пробыль 6 минутъ и вернулся безъ свертка. С-въ.»

Горский ждал чего-то подобного. Однако его очень не порадовало, что Безродный так ни с кем и не встретился. Это означало, что маньяк держал связь со своим помощником через телефон. Что сделал тому поручение снять номер гостиницы еще в субботу, когда Васька был в почтовой конторе. Что на этот раз маньяк не стал использовать Безродного для передачи записки, но подкинул ее через кого-то третьего...

«А ведь он мог вообще не использовать юного телефониста для передачи записок... – начал подозревать судебный следователь. – Он мог вообще никого не использовать, но делать это самостоятельно... Учитывая характер самих посланий».

Тогда возникал другой вопрос. Маньяк (или его сообщник) всегда подбрасывал записки мадам Ардан под дверь номера. Но вчера подкинул записку в гримерную. Почему? Что заставило этого безумного человека пойти на определенный риск, ведь можно было спокойно положить ей записку снова под дверь апартаментов?

И почему, черт возьми, она не удосужилась до сих пор ему телефонировать?..

В 2½ часа Горский понял, что Тереза Страшкевич ему не позвонит. Ее столь опрометчивую беспечность он мог объяснить лишь тем, что впечатлительная этуаль решила доверить свою судьбу еще более опрометчивому и беспечному Унгебауэру. Иными словами, нашла рыцаря, который ее защитит...

А раз так, то он, Антон Федорович, умывает руки. С сей поры обремененным какими-либо моральными обязательствами перед госпожой Страшкевич он себя считать перестает.

Чтобы как-то унять переполнявшее негодование и злость, титулярный советник отправился на вечернее богослужение в церковь.

В тот вечер ему особенно понравилось пение баронессы фон Нолькен, которая заметно обрадовалась приходу судебного следователя. Отец Ксенофонт выдавал громогласные тягучие ектеньи, а под конец выступил с проникновенной проповедью о Святой мученице Татьяне, «еже память ныне совершаем». Жившая в III веке в Риме, она подвергалась тяжким мучениям и гонениям, будучи христианкой. Но ее вера во Христа была настолько сильна, что по ее молитве рушились языческие статуи, удары истязателей заживали на ней к следующему дню, а выпущенный лев ее не тронул. И лишь казнь мечом прекратила нелегкий земной путь этой стойкой христианки...

Святую Татьяну, кроме всего прочего, считали почему-то покровительницей студентов. Но отец Ксенофонт об этом не упомянул.

Выходя из церкви, Горский вдруг понял, что допустил существенный прокол. Самсон Семенов, не знакомый с содержанием записки маньяка к Терезе Страшкевич, будет продолжать вести наблюдение за Безродным, но не за «Юго-восточными номерами».

«И как это я мог подумать, что Семенову вздумается вести наблюдение за гостиницей, тогда как его объект – это Василий Безродный?..»

Впрочем, судебный следователь не видел в этом ничего страшного: моральные обязательства его теперь не сковывали, да и мадам Ардан ехать вторично на Батумскую очевидно не собиралась.

Дома Горский принял ванну, поужинал и собрался пораньше лечь спать. С кровати его поднял неожиданный визит того самого незнакомого городского (как впоследствии узнал судебный следователь, его звали Галактионом). Полицейский принес записку, но отдавать ее Киму не спешил.

– В чем дело? – спросил титулярный советник недовольным тоном.

– Записочка вашему благородию от Самсона...

– Так давай ее сюда!

Городовой передал свернутую бумажку. Антон Федорович прочел в ней то, чего никак не ожидал:

«Объект съ 6¾ до 8¼ ч. находился въ Ю-в. номерахъ. Затѣмъ вернулся домой. Продолжаю вести. Потратился на дженерикшу, прошу передать съ Галактиономъ 2 р. 50 коп. С-въ.»

Горский почувствовал растерянность и тревогу, как капитан корабля, внезапно севшего на мель. Безродный лично ждал госпожу Страшкевич – значит ли это, что он и есть маньяк?.. За эту версию имелись весомые аргументы. Безродный за всё это время так ни с кем и не встретился, поэтому есть основания полагать, что история с неким богатым господином ложь, призванная отвести подозрения от самого Василия. Красноречивее всего говорит его непосредственное присутствие нынче в гостинице. В столь юном возрасте довольно легко потерять голову от любви...

Антон Федорович зашел на кухню и налил себе воды из остывшего самовара. Сделав несколько глотков, он закрыл глаза, пытаясь представить себе всю картину, восстановить причинно-следственные связи. Вроде бы всё складывалось в единую цепь, однако полученные выводы Горского не устроили.

Василий Безродный служил почтово-телеграфным служащим VI разряда низшего оклада. Разве он мог оказаться в «Империале» со своим скудным жалованьем? Разве он мог нанимать комнату в «Юго-восточных номерах» на недели вперед, щедро раскидывая «красненькими»? Такой вариант возможен только в случае мошенничеств с финансами или при каком-то другом мздоимстве. Как, например, «разбогател» приснопамятный Шлянкер. Но Безродного Горский, к сожалению, даже не видел. А порой бывает, посмотришь на человека и сразу увидишь всю его подноготную: способен ли он на преступление или нет.

Антону Федоровичу нестерпимо захотелось вытащить телефониста на допрос и посмотреть ему в глаза. Возможно, он и добился бы результата – благо за свою службу судебным следователем не одного подлеца вывел на чистую воду посредством очной беседы. Однако внутренний голос подсказывал титулярному советнику еще немного подождать, продолжить наблюдение за Безродным.

– Ваше благородие, что Самсону-то ответить? – раздался осторожный бас из передней. Горский совсем забыл о городовом, который, вероятно, ждал денег.

Титулярный советник еще раз заглянул в записку: филёр просил два с половиною рубля. Даже если учесть, что рикша его ждал, сумма выходила явно завышенная. Антон Федорович выдал Галактиону деньги и успокоился. Всѣ-таки городовые получают не многим больше, чем почтово-телеграфные служащие, а жить как-то надо.

«Эх, все беды от нехватки денег...»

В понедельник Горский получил от полиции очередную порцию дел о буйствах, которые еженедельно происходили по субботам и воскресеньям. Народ наш перед нерабочим воскресеньем имел обыкновение напиваться и бить друг другу морду...

Ближе к полудню в камеру судебного следователя вошел пожилой человек в цилиндре и калановой шубе. Антон Федорович попробовал прикинуть, сколько стоит эта роскошная вещь, если за одну только шкурку редкого млекопитающего дают примерно сотню рублей... Получилась какая-то баснословная сумма.

Господин тем временем переложил из одной руки в другую эбеновую трость, снял перчатки, сверкнув бриллиантовым перстнем на руке, приподнял цилиндр в знак приветствия.

– Здравствуйте, мне нужен господин следователь, – проговорил тихим, но удивительно звонким голосом гость. Его пышные седые усы создавали впечатление добродушного старика, однако цепкий, сфокусированный взгляд и глубокая морщина между бровей выдавали в незнатькомце волевой характер и нацеленность на результат, свойственный успешным предпринимателям. Более того, лицо этого господина показалось Антону Федоровичу знакомым.

– Я к вашим услугам, – поднялся титулярный советник. – Судебный следователь Горский. Антон Федорович.

– Гуго Францевич Герцер, – обладатель калановой шубы протянул Горскому руку. Посетители обычно так не делали, да и вообще здороваться за руку с незнакомым человеком в обществе не практиковалось: из-за различия в классах мог возникнуть конфуз, потому как инициировать рукопожатие по правилам этикета надлежало только старшему по чину.

При рукопожатии Гуго Герцер зачем-то надавил большим пальцем, будто прощупывая суставы Горского где-то между фалангами среднего и указательного перстов. Что это могло означать, Антон Федорович не знал, поэтому непроизвольно смешался. Богач разочарованно отдернул руку.

– Прошу, присаживайтесь, – пригласил титулярный советник, отводя взгляд. Да, общаться с такими джентльменами непросто... – Что привело вас ко мне, Гуго Францевич?

– Сперва позволю маленькую ремарку: я – доверенный Русско-Китайского банка в Дальнем, – пояснил Герцер, расстегивая шубу. Под ней оказалась черная визитка с золотой цепочкой.

Ну конечно! Горский видел его в «Империаде» в компании гладковыбритых господ-банкиров. Осознав сей факт, титулярный советник смутился еще больше.

– Вы, вероятно, по делу о двухсотрублевой ренте... – догадался Антон Федорович, припоминая подробности, которые ему рассказывал Дминский.

– Вовсе нет, – перебил его доверенный. – Оба негодяя, насколько мне известно, ныне за решеткой, рента возвращена, а с кассира сняты все подозрения. Хотя со своей стороны я, вероятно, должен выразить вам благодарность.

– Я тут ни при чем, – честно признался Горский, оскорбленный последней фразой банкира. – Благодарите полицейского надзирателя Дминского, который предпринял своевременные действия.

– Непременно, – улыбнулся старик. Его улыбку можно было бы назвать добродушной и располагающей, если бы не сверлящие искры темных внимательных глаз.

– Так какое у вас ко мне дело? – перешел на официальный тон судебный следователь.

– В нашем банке пропал человек...

– Вот как?.. Кто он и как давно пропал?

– Это наш компрадор, китайский подданный Вей Пин-тин. Исчез с прошлой субботы.

– Гм, почему же вы обратились ко мне только в понедельник? И почему ко мне, а не в полицию?

– Потому что полиции такие дела не интересны и потому что один пропущенный день мог быть случайностью. Например, он мог перебраться со спиртным.

– Вы не хуже меня знаете, что китайцы практически не пьют, – язвительно заметил Горский.

– А вы не хуже меня знаете, что китайцы быстро пьянеют, – парировал Герцер.

– За ним ранее подобное наблюдалось?

– Нет, никогда.

– Тогда с чего вы решили, что он мог напиться?

– Всё когда-то бывает в первый раз.

Антон Федорович на мгновение замолчал.

– Вы отправляли к нему домой посыльного? – спросил он.

– Я лично ездил к нему.

– И что же?

– Никто не открыл дверь.

– А где он живет?

– На Нагорной улице, в Части домов особняков.

– Он живет в особняке?.. – немного опешил Горский. Никак он не думал, что местные компрадоры настолько оборотисты.

– Да, – искренно улыбнулся Герцер, но в эту улыбку вложил всё свое пренебрежение к полунищему служивому сословию, представителем коего для него, безусловно, был судебный следователь.

– Ваш компрадор не был замешан в каких-либо темных делах?

– Нет. Это был в высшей степени порядочный человек.

– Почему вы говорите о нем в прошедшем времени?

– Может статься, что его нет в живых...

– То, что вам не открыли дверь, еще не значит, что он мертв, – едко ухмыльнулся Антон Федорович.

– Вы еще не всё знаете, господин Горский, – посерьезнел Гуго Францевич, еще больше сдвинув брови. – За неделю до исчезновения у Вея вымогали большую сумму денег.

– Кто вымогал?

– Хунхузы...

– На Квантуне нет хунхузов! – убежденно заявил титулярный советник.

– Теперь есть.

– Почему он не обратился в полицию?

– Потому что полиция, как и вы, ему бы не поверила, – сардонически ответил Герцер.

Спустя ½ часа Горский в сопровождении полицейского надзирателя Европейского города Скуратова и городского Нечипоренки ехал по проспекту Витте в сторону Городского сада. За Николаевской площадью запорошенная снегом дорога постепенно уходила в гору, поэтому на крупе гнедой томской лошадки появилась пена.

С проспекта Витте полицейская коляска ушла влево и оказалась на Нагорной улице. Улица эта пересекала весь Городской сад и оканчивалась в Части домов особняков, куда судебный следователь и направлялся.

Восточная часть Дальнего, стоявшая несколько в стороне от шумного порта и заводов, была предназначена для коттеджей состоятельных европейцев, как это заведено во всех колониальных азиатских сэттльментах. Местность здесь изобиловала многочисленными оврагами, достигавшими семи и более сажень, поэтому улицы тут имели зачастую криволинейные начертания.

Китайский подданный Вей Пин-тин жил в симпатичном двухэтажном особняке в трех кварталах от строящейся русской церкви и в квартале от Английского сада. Часть эта была застроена мало, поэтому внизу открывался прекрасный вид на Талиенванский залив.

Скуратов, на правах начальника участка, постучал в беленую дверь. Ответа не последовало. В доме царила мертвая тишина. Полицейскому надзирателю пришлось ударить в дверь четырежды, прежде чем Горский не догадался дернуть ручку. И дверь открылась!..

Мужчины переглянулись. Первым в особняк вошел судебный следователь.

Довольно маленькая передняя встречала посетителей крутой лестницей во второй этаж. Справа, очевидно, была гостиная. Именно туда вели грязные следы...

В гостиной у большого камина валялся без сознания связанный, с кляпом во рту, раздетый донага китаец. Спина его имела оттенок спелой вишни, на руках и ногах выделялись яркие кровоподтеки.

– Господи!.. – воскликнул Скуратов, перекрестившись.

– Его пытали... – заключил Антон Федорович, осматривая раны пострадавшего и одновременно прощупывая пульс. – Он еще жив!.. Скорее врача!

Городовой бросился на улицу за помощью, а Горский со Скуратовым принялись развязывать компрадора.

Вей Пин-тин чуть приоткрыл глаза, тяжело задышал. Допрашивать его в такой ситуации было невозможно. Титулярный советник принялся осматривать дом.

Возле камина валялась кочерга, которой, вероятно, его и пытали. В гостиной выпотрошили сервант, скинули на пол картины, отодвинули диван – искали тайник. Остальные комнаты почти не тронули. Судя по количеству следов, нападавших было не менее трех.

Только вернувшись к себе в камеру, Горский осознал всю дикость и весь ужас случившегося. У него в Дальнем, где никогда ничего подобного не наблюдалось, в особняк банковского посредника вламываются грабители, связывают хозяина и пытаются раскаленной кочергой. Затем спокойно уходят...

Перед своим отъездом Антон Федорович велел Ивану Агафоновичу не допустить огласки, но обстоятельно допросить соседей. В крайнем случае, представить дело как дружескую ссору с последующей дракой.

Скуратов приехал под конец дня с обнадеживающими новостями. Ему удалось найти свидетеля!

Оказалось, что компрадор держал при себе прислугу. Молодой китаец-бой, увидев из окна пятерых подозрительных мужчин и услышав вскоре шум нападения на своего хозяина, поспешил ретироваться через черный ход. Его нагнали, избили до полусмерти и заперли в ледник, в котором бедняга и просидел с пятницы...

Иван Агафонович проявил недюжинную сноровку, запротоколировав первые показания китайца очень дурно говорившего по-русски.

– Как же он вас понял? – ухмыльнулся Горский.

– Уж понял, что я его не в артель нанимать пришел... – отшутился Скуратов с грустной улыбкой.

Показания китайца-боя, фамилия которого образовывала смешной слог Юй, сводились к следующему. Вечером в пятницу, едва хозяин особняка вернулся домой, вслед за ним показали пятеро мужчин местной национальности. Они бесцеремонно вломались в дом (дверь запирали лишь на ночь) и напали на Вей Пин-тина. Компрадор попробовал оказать сопротивление, но был тотчас повален на пол и связан. Что было потом, Юй не знает, потому что припустил со всех ног прочь. Как уже упоминалось выше, далеко уйти ему не удалось...

Из пяти нападавших он хорошо запомнил двоих: у одного не хватало пальца на правой руке, у другого – глубокие следы от оспы. Полагает, что хунхузы искали деньги...

Антон Федорович вдруг представил, как на его дом нападают бандиты. Сумел бы он с Кимом защититься?..

«По крайней мере, Ким бы точно не сбежал», – утешил себя титулярный советник.

– Где нам теперь их искать?.. – вздохнул полицейский надзиратель, закончив доклад.

Судебный следователь развернул карту Дальнего и окрестностей.

– Так, поглядите. Из Части домов особняков за город ведут две дороги: одна на Цырго, другая на Цейдтун. Конечно, далеко не факт, что они скрываются где-то в этих деревнях (они могли уйти на запад через Городской сад), однако начать следует с них. Возьмите столько людей, сколько необходимо. Более того, если у меня получится, вам выделят солдат из 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Забирайте всех мужчин без пальцев и всех рябых.

– Слушаюсь, ваше благородие! Когда прикажете начинать?

– Как только к вам придут солдаты.

После этого Горский поехал в казармы, располагавшиеся возле сада Административного городка. По счастливой случайности он застал там Гвоздевича и попросил о помощи. Уже через 1/3 часа полицейские вместе с взводом солдат скрылись на дороге, ведущей в южные сопки.

Господина Герцера Антон Федорович решил не извещать. Во-первых, компрадор сам ему всё расскажет, если посчитает нужным. А во-вторых, доверенный судебного следователя об этом и не просил. Даже визитки своей не оставил.

Дома Горского ждал очередной сюрприз. Самсон Семенов передал записку следующего содержания:

«Объект в 12¼ дня заходил в здание Морского пароходства. Пробыль 5 минут. С-в.».

– Это принесли в час дня, – пояснил Ким и прибавил: – Да, еще телефонировала женщина...

– Тереза Страшкевич?.. – встрепенулся титулярный советник.

– Она не представилась, но, кажется, звонила именно она.

– Что ей было нужно?

– Она не сказала, мой господин.

Впрочем, судебный следователь и так догадался: мадам Ардан получила очередное письмо от своего маньяка. Другой вопрос: зачем она ему, Горскому, звонила, если нашла бравого заступника в лице лейтенанта Унгебауэра? Всё же сомневается в его силах?

В одиннадцатом часу вечера домой к Антону Федоровичу приехал Самсон Семенов собственной персоной. Он выглядел утомленным и усталым, но глаза его светились азартным огнем.

– П-позвольте м-мне всё вам рассказать...

– Да, конечно! Проходи в гостиную, Самсон.

Титулярный советник провел филёра в натопленную гостиную. Полицейский с нескрываемым удовольствием расположился в полукресле возле камина, отогревая заиндевевшие руки.

– Сперва извольте «з-зелененькую» – п-потратился на дженерикшу, – буднично заявил Семенов, будто попросил передать ему соли или подать салфетку.

Горский вспыхнул, но промолчал. В конце концов, этот парень уже который день подряд носится по всему городу исполняя его поручения.

Получив деньги, филер расцвел и продолжил:

– П-после п-пароходства объект вернулся в п-почтовую контору, но уже в седьмом часу взял дженерикшу и п-поехал, угадайте к-куда?

– В «Юго-восточные номера»?

– Не совсем: сперва он к-купил шампанское и к-конфеты! Н-но как вы узнали?..

– Давай дальше.

– П-приехал он туда в п-половину седьмого. А затем н-начались чудеса... – филёр сделал многозначительную паузу. – Ровно к семи часам п-подъехала коляска. Из нее вышли д-двое: господин в серой шинели-пелерине и элегантная д-дама в шляпке с вуалем. Господин р-решительно рванул вперед. Спустя п-пять минут из н-номеров выскочил испуганный объект и п-припустил бегом в Административный г-городок. А господин с дамой п-покинули гостиницу вслед за ним – проехали м-мимо меня...

Горский задумался. Стало быть, Тереза Страшкевич открылась Унгебауэру, а тот, вероятно, предложил отправиться в «Юго-восточные номера» вместе, чтобы раз и навсегда покончить с донимавшим маньяком. И наткнулись на Безродного...

«Всё бы хорошо, если бы не одно обстоятельство...»

– Скажи, Самсон, а тебе случайно не удалось установить, к кому и зачем ходил объект сегодня в полдень?

– Это стоило определенных т-трудов и ф-финансов, – намекнул полицейский.

– Сколько с меня? – нетерпеливо гаркнул Горский, предвкушая ответ филёра.

– Еще целковый.

– Вот, держи! Так к кому он ходил и зачем?

– З-зачем не знаю, но был он у п-помощника управляющего М-морским пароходством н-некоего лейтенанта Унгебауэра.

Утром во вторник 13 января в камеру к Горскому вошел Скуратов.

– В Цырге взяли двух рябых, а в Цейдютуне (прости Господи!) – трех, да еще одного беспалого, – сказал вместо приветствия полицейский надзиратель.

– Отличная работа, Иван Агафонович! – похвалил Антон Федорович. – Юй кого-нибудь из них опознал?

– Так я за то и приехал до вас, чтоб ваше благородие на «смотреинах» поприсутствовали.

Прибыли в арестный дом. Место это всегда вызывало у судебного следователя омерзение – каждый раз в мозгу проскальзывали эпизоды из прошлого. В 1902 году, только прибыв в Дальний, сразу угодил за решетку. И потом, летом 1903-го, когда вел дело Гастона Фуше...

Долго потом Горский приходил в себя, никак не мог свыкнуться с мыслью, что оставил убийцу безнаказанным. Принятое решение часто казалось ему неверным и противоречащим моральным принципам. Но не любовь ли к Родине является первостепенным фактором, на фоне которого все остальные меркнут и уходят в тень?

Ему тогда открылась ужасная истина, от которой бросало в пот: существуют убийства, за которые *невозможно* судить.

Георгий Сильвестрович – человек фантастической воли и беспромедлительного действия. Он воин своей державы, но ни в коем случае не убийца в привычном смысле этого слова. И тем не менее что-то в душе Антона Федоровича в прошлом августе треснуло.

Погрузившись в воспоминания, Горский не заметил, как привели арестованных китайцев. Из соседней комнаты вошел еще один молодой житель Поднебесной в сопровождении начальника тюрьмы. Гладковыбритый лоб боя тотчас покрылся испариной. Он сразу указал на беспалого и на одного из рябых как на участников нападения на компрадора Вея.

Двух опознанных увели в камеры, остальных – отпустили восвояси, едва ли не с пинками под зад.

«Что же вы делаете, черти?! – негодовал в душе Горский на грубость тюремного начальства. – Этак всех китайцев против себя настроим...»

Скуратов отправился лично допрашивать подозреваемых, засучивая по пути рукава, а Антон Федорович, тяжело вздохнув, поехал обратно в присутствие.

По дороге назад он решил заехать к Унгебауэру, потому как не мог более терпеть, да и начинать разговор на щекотливую тему лучше тет-а-тет. На Административной площади собралось много рабочего люда, непонятно откуда появившегося. Русские мужики в валяных шапках грелись около импровизированных костров вдоль всей железнодорожной выемки.

Унгебауэр оказался у себя в кабинете в прекрасном настроении.

– О, Антуан! – искренно обрадовался он другу. – Заходи. Как раз самовар вскипел – будешь чаю?

– Не откажусь, – согласился Горский. Разговор обещал быть долгим, да и с морозной улицы хотелось отогреться.

Пока Демьян Константинович доставал стаканы, Антон Федорович спросил:

– Каким ветром занесло этих работяг? Да еще в таком количестве, – и кивнул в сторону площади.

– Какой-то мерзавец пустил утку, дескать, в Дальнем формируются рабочие артели. Вот народ и ломанулся из Сибири...

Судебный следователь тихо выругался. Теперь жди экспоненциального увеличения количества мордобоев и грабежей...

– Надо их немедленно выслать из города или найти им работу. Иначе они всё тут разнесут...

– Сахаров уже в курсе. Работа ведется... – бросил вскользь Унгебауэр. Очевидно, эта тема интересовала его мало. – Ты ко мне, полагаю, не за этим пришел. Ты вообще просто так не приходишь. Так какое у тебя ко мне дело, Антуан?

Горский отпил чаю, набрал в грудь воздуха и начал издали:

– Как складываются твои отношения с мадам Ардан?

Лейтенант флота озадаченно округлил глаза, но быстро собрался:

– А! Так тебя она тоже зацепила?..

– Все нет...

– Должен тебя разочаровать, Антуан. Она от меня без ума! Поэтому у тебя нет шансов.

– Да я и не...

– Ее, кстати, зовут Тереза Страшкевич. И она уже два дня ночует у меня!.. – прибавил

Унгебауэр шепотом.

– Очень хорошо. Полагаю, теперь тебе не придется подбрасывать ей анонимные письма.

Демьян Константинович изменился в лице, глаза его заблестели.

– Ты о чём? – спросил он после некоторой паузы.

– Вот уж не думал, что ты будешь отпираться, – усмехнулся Горский. – Незадолго до Крещенского маскарада мне прислали письмо с просьбой о встрече. Мне пришлось поехать на бал. Там ко мне подошла мадам Ардан и рассказала о странных записках, которые ей посылает маньяк...

– Почему маньяк? – удивился лейтенант.

– Потому что нормальному человеку не придет в голову приглашать малознакомую даму в гостиничные номера, да еще и инкогнито.

– Гм...

– Мне ничего не оставалось, как взяться за расследование. Скоро я вышел на твоего сообщника – молодого телефониста Василия Безродного. Этот юнец за щедрое вознаграждение нанимал для тебя комнату в «Юго-восточных номерах» и снабжал ее шампанским и конфетами. Даже оставил свой телефонный номер, по которому я на него и вышел.

Горский отпил чаю, наблюдая за реакцией Унгебауэра. Демьян Константинович недоверчиво щурил глаза.

– К Безродному я приставил филёра.

– В Дальнем есть филёры?.. – ахнул лейтенант, выдав себя с потрохами.

– Теперь есть, – кивнул титулярный советник. – Но ты проявил основательную осторожность – коммуницировал с Безродным по телефону. Однако рано или поздно он должен был к тебе прийти за очередной запиской или за деньгами, поэтому и организовал слежку. Я заподозрил неладное, когда узнал, что очередную записку мадам Ардан подкинули в гримерку. Стало очевидным, что это сделал кто-то, присутствовавший в тот вечер в кафешантане, но не Безродный. И почему в гримерку? И только потом до меня дошло, что таким образом лейтенант Унгебауэр пошел «на ура». Установив доверительный контакт с Терезой Страшкевич, ты решил ковать железо, пока горячо. Ты рассчитывал, что обнаружив записку в гримерке и впад в отчаяние, она примет твое приглашение как защиту. Твой план сработал, но на этом ты не остановился! Ты решил действовать наверняка: вызвал к себе Безродного, чтобы передать деньги и проинструктировать о заключительной хитроумной операции. Юному телефонисту ты отвел роль маньяка, а сам предстал доблестным рыцарем...

Унгебауэр виновато опустил голову. Кажется, ему стало стыдно.

– Маньяк вновь вызывал мадам Ардан в «Юго-восточные номера». После ночи, проведенной в твоём особняке, она, конечно, доверилась тебе...

– Между прочим, в ту ночь я к ней даже не прикоснулся, – обиженно отозвался Демьян Константинович.

– Хорошо, что ты последовал совету Гвоздевича. Глядишь, женишься на ней! – ехидно усмехнулся Горский.

– Она приняла мое предложение руки и сердца, – спокойно сказал Унгебауэр, как о чём-то обыденном.

Антон Федорович не верил своим ушам.

– Что??..

– Она согласилась пойти со мной под венец, – повторил лейтенант с апломбом.

– Вот как... – титулярный советник сконфуженно отвел взгляд. – Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь...

– Я не смогу жить без нее. А она – без меня, – убежденно заявил Унгебауэр, поднимаясь. Подойдя к окну, он заговорил быстро и пламенно, глядя вдаль. – Я с первого взгляда влюбился в нее. Я прочувствовал ее, понял, что мы с ней идем на одной волне. И я начал действовать. Сперва я просто хотел с ней встретиться, но я не мог называть своего имени. Я боялся, поэтому предпочел анонимные записки. Я подкидывал их сам, потому как сторонний посыльный мог их прочесть. В целом, ты всё правильно установил. Я восхищаюсь твоим талантом следователя, Антуан. Однако ты пришел обвинить меня в том, чего я не совершал...

– Хочешь сказать, что это не ты наводил страх на мадам Ардан?

– Господи! Да я не тронул бы ее и пальцем! Мне лишь нужно было ее внимание...

– А если бы она пошла в полицию? Если бы тебя поймали, подкидывающего под ее дверь грубую записку с намеком на физическую расправу? Что было бы тогда?? – вскипел Горский.

– Я бы пропал. Но я пошел на этот риск осознанно. Мечта о Терезе Страшкевич стала моим смыслом жизни...

«Да, что творит любовь с людьми!»

– Теперь, когда ты обо всем знаешь, мое счастье в твоих руках, – Унгебауэр обернулся. В глазах его теснились слезы. – Заклинаю тебя, Антуан, не говори ничего Терезе! Если она узнает, что это я посылал ей записки, тотчас порвет со мной...

Только теперь Антон Федорович осознал, что его друг никакой не маньяк, а опьяневший от любви страдалец. И слава Богу, что всё так кончилось.

– Что ты, Демьян!.. – улыбнулся судебный следователь. – Я не вправе рушить твоё счастье. Тереза ни о чем не узнает.

Унгебауэр резко подошел к Горскому и крепко его обнял.

– Спасибо тебе, мой друг!.. Спасибо!..

Так закончилась история о маньяке и кафешантанной этуали.

7. Куратор

К середине января 1904 года в Дальний пришли холода, а вместе с ними в городе установилась напряженная обстановка. Слухи о войне всполошили и без того немногочисленное японское население. Подданные микадо экспедитивно засобирались на родину, распродавая имущество и земельные участки. Квантун представлялся общественностью как пороховая бочка, готовая в любой момент взорваться.

В Порт-Артуре участились разбойничьи нападения. Газеты советовали усилить контроль за прибывавшими в крепость шаландами и джонками, однако как распознать в человеке грабителя заранее? Да и главной квантунской крепости постоянно требовалась рабочая сила.

Но и в Маньчжурии начали происходить тревожные события. Поступали сведения, что отряды китайских войск там начали грабить местное население... На Китайской Восточной железной дороге увеличилось количество краж. Причем злоумышленники, кажется, чувствовали себя весьма вольготно. Чего только стоит вопиющий случай, когда пассажира, стоявшего на площадке вагона, ограбили и сбросили на полотно.

Всё чаще стали заявлять о себе хунхузы, наводившие страх и панику на обывателей. В Ляояне 30 таких удальцов ограбили железнодорожного агента-переводчика в собственном доме. Забрав 600 рублей, а также всё ценное, что было в фанзе, нападавшие этим не ограничились: прихватили с собой и раненого хозяина, которого привязали к дереву далеко в поле. Разумеется, пока несчастный китаец успел развязаться, пока добрел до дома, пока известил ближайший пост пограничной стражи – хунхузов и след простыл...

Компрадор Русско-Китайского банка, подвергшийся аналогичному налету бандитов, вскоре поправился и так же, как и слуга Юй, опознал арестованных китайцев. Как бы Скуратов их ни мордовал, но выдавать оставшихся членов шайки арестованные отказались. Так и привели обоих на суд с выбитыми зубами и багряными кровоподтеками.

Управляющий дальнинским отделением банка, уже знакомый нам Гуго Герцер, о случившемся, конечно, узнал, но предпринял всё, чтобы этот инцидент не просочился в прессу и даже договорился о проведении закрытого процесса. Как ему это удалось – представить несложно, особенно если вспомнить калановую шубу...

Алексей Владимирович в день суда выглядел бодро и решительно. Он собирался отправить обоих негодяев на долгую каторгу. Слушания длились несколько часов – много времени потратили на перевод. Караул стрелков готов был этапировать обвиняемых на станцию, куда уже подогнали специальный вагон.

Каково же было удивление собравшихся, когда сперва Юй, а затем и сам Вей отказались от своих показаний, не признав в обвиняемых налетчиков...

– Господин Вей, я прошу вас еще раз внимательно посмотреть на лица обвиняемых. Узнаете ли вы в них людей, напавших на вас 9 января сего года и учинивших над вами жестокую пытку? – спросил Алексей Владимирович, пытаясь привести компрадора в чувство.

– Не узнаю, ваша честь, – твердо заявил Вей, коротко взглянув на скамью подсудимых. Тогда мировой судья снова обратился к слуге-бою Юю. Но и тот стоял на своем.

Присутствовавший в зале Горский ахнул.

– Что они делают?? – прошептал Антон Федорович сидевшему рядом Скуратову.

– Боятся мести... – печально вздохнул Иван Агафонович. – Те трое, что сейчас на свободе, быстро до них доберутся...

– Знаете, сколько подозреваемых угрожали расправой мне? – вспыхнул Горский, стараясь говорить как можно тише. – Если бояться каждого мерзавца – с ума сойдешь!

– Вы не сталкивались с хунхузами, ваше благородие. Их месть страшна... Не дай вам Бог!

Алексею Владимировичу ничего не оставалось, как вынести оправдательный приговор. «Беспалого» и «Рябого» освободили прямо в зале суда...

Антон Федорович возвращался домой в скверном настроении. Холодный сибирский муссон, казалось, вместе с титулярным советником негодовал от того, что очевидным разбойникам удалось избежать каторги.

Это были худшие именины Горского за всё время его жизни. От нахлестнувших волною переживаний судебный следователь забыл в камере подаренный мировым судьей и письмоводителем подарок – очередную книгу о Китае. Выругавшись, Антон Федорович, не стал возвращаться, хотя намеревался посвятить вечер чтению.

На Часовенной улице судебный следователь ощутил острую необходимость в общении с друзьями. Он прекрасно отдавал себе отчет, что так внезапно, как это было в прошлом году, никто не придет, но в глубине души надеялся на чудо. От компании Унгебауэра можно было ожидать чего угодно.

Слуга Ким оказался единственным, кто был в доме. Подождав пока господин снимет верхнюю одежду и помоеет руки, кореец, наконец, подарил Горскому миниатюрную подзорную трубу – монокуляр. Он легко помещался в карман сюртука или тужурки, сдвигался втрое, но при этом даже в разложенном положении не превышал двух с половиной вершков и обладал замечательной дальностью. Вещица чрезвычайно полезная и оригинальная, имениннику она понравилась весьма.

Вслед за подарком Ким передал Антону Федоровичу дюжину открыток и визитных карточек с поздравлениями. Обнаружив открытки от мистера Ливза, Эссельсена и Ланфельда, Горский понял, что никто к нему не придет...

И уж очень он удивился и даже слегка расстроился, когда среди прочих обнаружил письмо Унгебауэра. Уж Демьян Константинович мог бы и поздравить лично...

Вот что писал лейтенант флота и помощник начальника Общества Морского пароходства К.В.ж.д.:

«Дорогой Антуань! Прими искреннія поздравленія съ Днем Ангела! Прости, что не приѣду лично и не зову тѣбя къ себѣ – я теперь живу не одинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ спѣшу съ радостью пригласить тебя на мое бракосочетаніе, которое пройдетъ января 23 дня сего года въ дальнинской церкви.

Твой преданный другъ Демьянъ Унгебауэръ.

P.S. Болѣе того, прошу стать моимъ шаферомъ.»

Итак, Унгебауэр все-таки решил жениться на Терезе Страшкевич. Причем явно спешил это сделать до Великого поста и масленичной недели, когда венчание невозможно. Что выйдет из этого союза двух сердец, Горский не знал, но искренно верил в то, что Демьяну и Терезе будет сопутствовать счастье.

Выходит, прав оказался Гвоздевич, давая лейтенанту флота пророческий совет.

Между тем от самого штабс-капитана открытки не было. Горский всецело понимал, какую нелегкую службу несет Георгий Сильвестрович – мог и забыть, поэтому винить офицера стрелков повременил.

До титулярного советника внезапно дошла мысль, от которой стало нестерпимо грустно. В доме Унгебауэра теперь не будет привычных субботних собраний, которые так помогали отрегулировать душевное равновесие.

«Демьян перестает быть холостяком» – мысль эта никак не желала оседать в голове судебного следователя, будто пушинка, метавшаяся от любого колебания воздуха.

Ближе к восьми вечера приехал Гвоздевич. Штабс-капитан выглядел встревоженно.

– Нашу бригаду выводят из Порт-Артура, – сообщил он. – Стало быть, и я скоро покину Дальний...

– Но куда вас отправят?

– Разведка докладывает, что японцы готовят вторжение в Маньчжурию через Корею. Вероятно, наша бригада и мой полк в частности будут форсировать Ялу.

– Даст Бог, наша разведка ошибается... – проговорил судебный следователь, переваривая услышанное.

– Да, к сожалению, наша разведка часто ошибается, – подтвердил Гвоздевич с едва уловимой усмешкой.

– Значит, еще есть шанс избежать войны?

– Полагаю, что нет.

Горский проводил друга в гостиную, налил марсалы, попросил Кима принести закуски.

– Я хочу, чтобы ваш слуга присутствовал при нашем разговоре, – заявил вдруг штабс-капитан.

– Ким, останься, – велел хозяин дома. Кореец послушно сел на диван.

– Как бы ни сложились обстоятельства, ясно одно: очень скоро я покину Дальний. Поэтому оставшееся время я хочу посвятить вашему обучению. Я должен передать вам свои знания и поделиться своим опытом прежде, чем оставлю город на ваше, Антон Федорович, попечение.

Гвоздевич говорил в высшей степени серьезно, чеканя слова, будто удары кувалды.

– Я не случайно попросил тебя остаться, – Георгий Сильвестрович поглядел на корейца с уважением. – Вижу, твой господин тебе доверяет. Ты надежный человек, на которого можно положиться. Ты станешь его помощником.

– Я уже его помощник, ваше благородие, – ровно ответил Ким.

– Вот и славно, – офицер перевел взгляд обратно на Горского. – Но вам понадобится как минимум еще один помощник для оперативных нужд.

– Ким один справится.

– Я так не считаю, – возразил штабс-капитан. – Он следит за домом, но нужен еще кто-то для наружного наблюдения и прочих поручений. Есть кто-нибудь на примете?

Горский рассказал Гвоздевичу о Самсоне Семенове, который успел хорошо себя зарекомендовать и который служил филёром в столице. Георгий Сильвестрович кандидата одобрил и дал следующие рекомендации:

– Вербовать его будете вы сами, Антон Федорович. Сперва дадите ему несколько заданий, чтобы он привык на вас работать. Не стесняйтесь на похвалу, но всегда требуйте четкого исполнения. С чаевыми будьте осторожнее – возместить их я вам не смогу (бюджет контрразведки ничтожно мал), да и может сесть вам на шею. Лучше объясните всю важность исполнения того или иного поручения, несколько утрировав. Задавайте больше вопросов о нем самом, нежели рассказывайте о себе. Это располагает собеседника, а вам позволяет собрать больше сведений для анализа и для возможного шантажа.

– Шантажа?.. – переспросил обескураженный Горский.

– Да, – холодно ответил Гвоздевич. – Шантаж – это один из методов вербовки и принуждения к выполнению специальных заданий. Но им необходимо разумно пользоваться. Сейчас вы к этому, безусловно, не готовы, но в дальнейшем вам необходимо будет взять его на вооружение. Я вас научу. А пока только смиритесь с мыслью, что это неизбежно и полезно.

– Хорошо...

– Не доверяй никому. Вокруг вас потенциальные предатели. Если вам нужно привлечь к сотрудничеству человека, найдите его слабую сторону: у кого-то это деньги, у кого-то алкоголь, у кого-то женщины, кто-то недооценен на службе и мечтает о большой карьере, а кто-то слишком привязан к родным...

Антон Федорович начал постепенно понимать всю суть поведения самого Гвоздевич. Настоящий контрразведчик не должен зависеть ни от каких человеческих пороков...

Георгий Сильвестрович еще долго и интересно рассказывал об азах своего ремесла, ограничиваясь понятными тезисами. Под конец он произнес:

– Люди, которые будут представлять для вас наибольший служебный интерес, должны стать вашими лучшими друзьями.

– Так вот для чего вы стали моим другом! – бросил уязвленный Горский.

– Дружба в наше время возможна лишь в двух случаях: или если вам что-то от человека надо, то есть вы планируете в дальнейшем использовать его влияние, положение, способности, навыки и тому подобное, или если вам интересно с ним общаться и у вас есть общие ценности и увлечения. Согласны?

Титулярный советник кивнул.

– В вашем случае, Антон Федорович, сошлись оба фактора. Вы занимаете важную должность судебного следователя, чрезвычайно умны и склонны к аналитическому мышлению, умеете ловить негодяев, а вместе с тем любите Россию не меньше моего, придерживаетесь монархических взглядов, интересуетесь мировой политикой и спортом. Я бы никогда себе не простил, если бы упустил шанс стать вашим другом.

– Вы сейчас говорите искренно? – чуть оттаял Горский, но всё же сомневаясь в истинности слов штабс-капитана.

– Точно так.

– Дайте слово офицера, – настаивал судебный следователь.

– Мне импонирует ваша подозрительность, – отметил Георгий Сильвестрович с легкой улыбкой. – Знаете, масоны, например, считают себя высокогуманными и высокоморальными

светочами, но при этом устав их братства позволяет им нагло врать, когда речь идет о самой принадлежности к масонам и о сохранении тайны.

– Вы это сейчас к чему? – нахмурился Антон Федорович.

– Я к тому, хватит ли вам моего слова офицера? Ведь контрразведка – это своего рода тайное общество.

– Поверьте, я знаю цену слова русского офицера.

Гвоздевич посерьезнел.

– Слово офицера, – произнес он. Ни один мускул не дрогнул на его лице. – Это вам. На День Ангела.

С этими словами штабс-капитан протянул Горскому серебряный перстень довольно примитивной формы.

– Спасибо...

– Только не подумайте, что у меня дурной вкус! – прыснул Георгий Сильвестрович. – Попробуйте нажать на маленький рычажок снизу.

Антон Федорович надавил на выпуклость и едва не вскрикнул от неожиданности: из перстня тотчас вылезли два крохотных ножа.

– Вот это да!..

– Помогает в ближнем бою, – пояснил довольный произведенным эффектом Гвоздевич. – Английская модель.

Судебный следователь еще долго благодарил штабс-капитана за превосходный подарок, а офицер стрелков, в свою очередь, сдержанно улыбался. Постепенно он становился для Горского куратором.

Всю последующую неделю Антон Федорович постигал искусство контрразведки, которому его охотно обучал Георгий Сильвестрович. Для этой цели титулярный советник рано покидал присутствие, получив однажды заслуженный реприманд от мирового судьи. Замечание Алексея Владимировича судебный следователь оставил без внимания, потому что, во-первых, уже успел сложить о себе в Дальнем хорошую репутацию, то есть не нуждался в покровительстве надворного советника, а во-вторых, его прямым начальником был товарищ прокурора Окружного суда Азаров.

Горский совершенно не представлял, как будет ловить вражеских шпионов, но те новые и порой удивительные сведения, которыми его обильно снабжал Гвоздевич, усваивались титулярным советником на ура. С осторожным оптимизмом глядел Антон Федорович в будущее, совершенно не представляя, с какими трудностями и испытаниями он вскоре столкнется...

В пятницу 23 января состоялось бракосочетание Демьяна Унгебауэра и Терезы Страшкевич. На церемонии присутствовали лишь самые близкие друзья лейтенанта. Поручителями со стороны жениха выступили Горский и Кочетов (управляющий Морского пароходства общества К.В.ж.д.), со стороны невесты – Гвоздевич и принявший православие Ланфельд. Тяжелые венцы держали попеременно, но руки всё равно основательно устали.

Свадьбу праздновали в ресторане при гостинице «Дальний». Небольшой уютный зал с одной стороны вместил всех приглашенных, с другой – гарантировал от нежеланных гостей.

Решив соединить свою судьбу с Демьяном, Тереза Страшкевич приобрела как минимум одного непримиримого врага в лице кафешантанного антрепренера. Навсегда покинув сцену «Империала», мадам Ардан, несомненно, обрекла легкомысленное заведение если не на гибель, то на снижение прибыли уж точно. При этом она нисколько не жалела о сделанном ею выборе, напротив – была рада покончить с мутным прошлым.

В метрической книге сделали соответствующие записи. С этого дня мещанка австрийских Черновиц Тереза Страшкевич, римско-католического исповедания, становилась Терезой Унгебауэр. Отец Ксенофонт, прежде чем совершить таинство, произнес длинную напутствен-

ную речь, под конец которой взял с невесты расписку, что та непременно будет воспитывать детей в православии.

В воскресенье 25 января стояла прекрасная (насколько это возможно для зимы) погода: солнечная и теплая. Между тем в газетах писали о безысходности русско-японских противоречий, о взаимном недоверии и эскалации конфликта. Россия направила Китаю ноту, относительно нейтралитета последнего. Более того, наша Империя ни много ни мало настаивала на увольнении всех иностранных офицеров, находившихся на службе китайского правительства, а также испрашивала число, наименование и расположение войск Поднебесной. От Японии мы добивались разоружения Южной Кореи взамен на суверенность Китая в Маньчжурии.

Проживавшие во Владивостоке японские купцы, мастеровые и прислуга экстренно выезжали из России на прибывшем за ними специально зафрахтованном английском пароходе «Афридис»...

Порт-артурский корреспондент «Рейтера» сообщал, что русские концентрируют войска на Ялу, оправдывая это враждебностью Японии. И это была чистая правда, потому что Гвоздевич неделю назад говорил ровно о том же. Его 3-ю Восточно-Сибирскую стрелковую бригаду уже выдвинули из Порт-Артура в сторону Северной Кореи. Георгий Сильвестрович со своими ротами должен был покинуть Дальний со дня на день.

Утром следующего дня, по дороге в присутствие, внимание Горского привлекла четверка стрелков, державших под руки испуганного китайца. Азиата очевидно собирались пороть, приготовления шли полным ходом.

– Что ж вы делаете, братцы? – подошел к ним Антон Федорович. Китаец с надеждой поглядел на титулярного советника.

– Вор он, ваше благородие! – уверенно заявил ефрейтор со злым выражением лица.

– Что же он украл?

– На казенные харчи позарился, паскуда!

Горский еще раз поглядел на китайца. Под тонкой грязной курткой угадывалось тщедушное телосложение. Впавшие щеки говорили о недоедании.

– А вы отчего не в казарме?

– Нас за провиантом послали, – пояснил рядовой с рыжим чубом. – Намедни выдвигаемся...

– Зашли в хлебную лавку, а там хозяин орет да на этого пальцем тычет – давеча, грит, булку с прилавка хватать, и драпака! Ну так мы его быстро заломали! – добавил ефрейтор.

– Лавочник мог обознаться. Неужели бы вор вернулся на другой день, сами подумайте? – зывал к ним Антон Федорович.

– А и то верно... – почесал затылок чубатый.

– Отпустите вы его! Пусть идет себе с миром.

Стрелки китайца отпустили, мудрому совету вняли. А на душе Горского сделалось легче.

В полдень в камеру судебного следователя заехал Гвоздевич. Проститься... Их роты выгоняли к Нангалину, где уже стояла бригада. Просил беречь себя и всегда думать, прежде чем что-то сказать или сделать.

– Может статься, мы с вами больше не увидимся, – сказал напоследок Георгий Сильвестрович. По его лицу пробежала мрачная тень. – Поручаю на вас Дальний.

Крепко пожал руку и был таков.

Весь день Горского не покидало чувство тревоги...

Солнце садилось за горизонт далеко на западе, там, где жили европейские варвары. Безоблачное небо быстро меняло расцветку, превращаясь из романтично-фиолетового в зловеще-черное. Спокойное море взрезали гребные винты, оставляя позади белые полосы. Шлейф из пены растянулся на несколько тё, уходя в сторону скрывшегося из виду Квантуна.

Фурукава покидал Порт-Артур в великолепном расположении духа. Русская крепость ему ужасно не понравилась, но очень скоро английский пароход доставит его на родину. Благо японский консул спешно увозил соотечественников, заручившись охранной грамотой, полученной у своего российского коллеги в Чифу. Поэтому никаких сложностей с выходом из Артура не возникло.

Фурукава почесал бритый подбородок, глядя в уходящую даль, поежился от холодного ветра и побрел в свое отделение. На пароходе он служил коридорным.

Не успел он вернуться, как какой-то сморчок с кансайским акцентом потребовал принести ему в каюту кофе. Фурукаве пришлось мысленно сосчитать до десяти, чтобы не учинить конфликт. Выдержка никогда не была его сильной стороной. Тем не менее он даже заставил себя улыбнуться.

После этого он снова вышел на палубу.

Пароход отошел не менее чем на 4 ри от Квантуна, прежде чем на востоке возник профиль военного судна. По силуэту с двумя высокими мачтами и двумя огромными в диаметре дымовыми трубами Фурукава понял, что это флагман императорского флота – броненосец «Микаса». Сердце забилось быстрее. Он и представить себе не мог, что всё произойдет *так скоро*.

Коридорный сидел на посту, когда к нему подошел консул.

– Нас ждут, – рассеянно бросил дипломат. Было заметно, что он тоже волнуется.

Оказалось, что с «Микасы» за ними послали шлюпку. Молоденький лейтенант любезно сообщил, что ему приказано доставить их на борт флагмана.

Броненосец щерился палубными орудиями, массивной глыбой возвышаясь над шлюпкой. Ни один прожектор не зажегся, чтобы осветить им путь. Холод заставлял матросов грести быстро, поэтому очень скоро гости с английского парохода оказались на борту «Микасы». Выяснилось, что за флагманом в кильватерной колонне следовала большая группа миноносцев. Консула и Фурукаву провели в боевую рубку, где их встретил пожилой человек в мундире с вице-адмиральскими эполетами. Несмотря на полумрак, коридорный хорошо разглядел его лицо: умные, но усталые припухшие глаза, крупный нос, седая эспаньолка. Это мог быть только командующий объединенным флотом Японии Того Хэйхатиро. Рядом с ним стоял капитан 1 ранга в самом расцвете сил, с бесстрашной и несколько наглой физиономией.

– Того-тайсё-доно! Позвольте сделать доклад! – задорно отрапортовал Фурукава, вытянувшись во фронт. Он специально назвал командующего императорским флотом «адмиралом», но не общим словом «тэйтоку», а именно тем, которое относится к непосредственному чину («тайсё»). Лесть – замечательное средство сближения.

Старик вице-адмирал коротко улыбнулся – кажется, оценил.

– Хикодзиро-дайсё-доно, проведите, пожалуйста, майора Фурукаву в мою кают-компанию, – обратился Того к капитану корабля. – Мне необходимо переговорить с господином консулом. Я скоро к вам присоединюсь.

Хикодзиро кивнул и жестом указал Фурукаве на выход. Они спустились в невысокую, но широкую и светлую комнату, всё центральное пространство которой занимал длинный стол с тринадцатью стульями. В военной среде это число пользовалось чрезвычайной популярностью, поэтому Фурукава не удивился.

Над столом свисали железные штыри с электрическими плафонами. Искусные картины оживляли унылые белые стены; от закрытого экраном камина исходило приятное тепло.

Вскоре появился вице-адмирал в сопровождении штабных офицеров и попросил начинать. Фурукава достал из внутреннего кармана аккуратно сложенную карту. Он заботливо разложил ее на скатерти, офицеры обступили его вплотную.

– Нам удалось установить доподлинное расположение вражеских судов в Порт-Артуре. Все они нанесены на эту карту, – Фурукава с нескрываемым восторгом ткнул пальцем в черные

отметки у входа в крепостную бухту. – Русские корабли стоят на внешнем рейде уже неделю. У самого берега, отдельно от прочих, расположены крейсера 2 ранга «Новик», «Боярин», «Джигит» и канонерская лодка «Гиляк». Основная эскадра выведена чуть дальше и выстроена в три шеренги. Северную составляют броненосцы «Петропавловск», «Полтава» и «Севастополь», промежуточную – «Пересвет», «Ретвизан», «Победа» и «Цесаревич» и южную – транспорт «Ангара» и крейсера 1 ранга «Баян», «Диана», «Паллада» и «Аскольд». Два крейсера ежедневно дежурят под парами. Еще два освещают рейд прожекторами. Сегодня это «Ретвизан» и «Паллада».

Того довольно улыбнулся. Он и подумать не смел, что Фурукава добудет настолько подробные сведения.

– Каждый вечер прекращается сообщение с берегом, – продолжил майор в форме коридорного слуги. – По одному борту у орудий всю ночь дежурят матросы. При этом суда хорошо видны в темноте за счет навигационных огней, которые они всё же оставляют во избежание столкновений с джонками, шаландами и прочими гражданскими лодками. Заграждающие боны с сетями русские также не используют.

– Фурукава-сёса-доно, вы отлично справились с порученным вам заданием! – воскликнул Того, которому не терпелось начать операцию. Затем он попросил одного из офицеров своего штаба снять с карты копии и немедленно созвать всех капитанов на совещание.

Вскоре лицо вице-адмирала побледнело. Будто упустив что-то важное, он выхватил карту у помощника.

– Постойте, но что в Талиенванском заливе? Неужели там нет ни одного русского судна? – растерянно спросил он у майора разведки.

Фурукава ждал этого вопроса, но в глубине души надеялся, что командующий флотом не придаст этому внимания. Выходило скверно: доклад заканчивался на минорной ноте. А запоминается, как известно, последнее...

– У нас нет достоверных сведений относительно присутствия вражеских военных судов в Талиенванском заливе. Моего агента в Дальнем... ликвидировали.

– Вот как? – Того вскинул брови.

– У русских появилась контрразведка? – сардонически ухмыльнулся Хикодзири.

– Похоже на то. Вот уже несколько лет в Дальнем последовательно устраняют всех наших резидентов, – честно признался Фурукава. Зубы его при этом сжались. Мысль о том, что ему, одному из лучших разведчиков Японии, так и не удалось выстроить в русском порто-франко агентурную сеть, ужасно его злила.

– Что ж, так и придется посылать часть эскадры к Дальнему... – с сожалением констатировал вслух Того.

На последующем вскоре совещании вице-адмирал решил разделить минную флотилию на два отряда: 10 миноносцев отправит атаковать вражескую эскадру к мысу Ляотешань, а 8 – к Талиенвану.

ЧАСТЬ II

Невидимая война

8. Новая старая жизнь

27 января 1904 года в Дальнем узнали о внезапной ночной атаке японского флота на Порт-Артур. Находившиеся на внешнем рейде броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер 1 ранга «Паллада» посредством минной атаки неприятеля вышли из строя. О количестве убитых не сообщалось, но все понимали, что жертвы есть.

Было около полудня. Горский пил чай в своей камере, когда к нему буквально влетел взволнованный Алексей Владимирович и сообщил страшную весть. Антон Федорович внимательно его выслушал, покрутил фарфоровую чашку с остатками чая и только после этого спокойно молвил:

– Значит, война...

Удивительно, но все предыдущие дни судебный следователь был убежден, что война неизбежна. Раз за разом эта мысль всплывала в его сознании непоколебимой истиной, аксиомой, не требующей доказательств, однако теперь, когда начало боевых действий стало реальностью, он отказывался в это верить, как в нечто сверхъестественное. Ему казалось, что в это цивилизованное, гуманное и мирное время ничего подобного произойти не может. Он искренно верил в мудрость мировых правителей и талант их дипломатов.

Вторым чувством на смену тревоге пришел необузданный восторг, истоки возникновения которого Горский примерно представлял. Каждого мужчину в той или иной степени уже с раннего детства будоражит одна только мысль о начале войны. Пушки, взрывы, brave атаки под крики «ура!», несущаяся галопом с шашками наголо кавалерия, ружья, сабли, ровные ряды солдат и мужественные фигуры офицеров во все времена и во все эпохи пользовались огромной популярностью и вызвали неподдельный интерес среди юношей. Не было еще века в русской истории, когда молодые русичи презирали бы всё военное и самоё войну.

Вечером пришли новые вести. Оказалось, что нынешним же днем японская эскадра снова атаковала наши суда. Неприятель, вероятно, намеревался таким образом проверить

результаты своей ночной вылазки и нанести очередной удар по не успевшему оправиться противнику. Маневр японцев, ввиду нашей полной боеспособности, успехом не увенчался и поданные микадо столь же быстро удалились, провожаемые огнем крепостной артиллерии.

Следом ожидаемо пришли сообщения о мобилизации русских войск на Дальнем Востоке. Главкомом сухопутных и морских сил был назначен генерал-адъютант адмирал Алексеев. Временным командующим Маньчжурской армией, до прибытия генерал-адъютанта Куропаткина, объявлялся генерал-лейтенант Линевиц.

После службы Горский отправился к Унгебауэру. Титулярный советник рассчитывал узнать у друга, тесно связанного с флотом, подробности морских сражений.

Демьяна Константиновича дома не оказалось. Судебный следователь хотел было уйти, но камердинер настойчиво предложил Антону Федоровичу дожидаться прибытия хозяина. Его провели в знакомую гостиную, предложили кофе. Горский не отказался, хотя кофе пил редко. Как странно было находиться в пустой гостиной, где еще совсем недавно гремели задорные шутки, рекой лился «Мартель» и стоял густой табачный дым. Всё это будто кануло в Лету. Будто никаких вечерних посиделок никогда и не было.

«Всё течет, всё изменяется», – сказал некогда Гераклит и был тысячу раз прав...

От подобных мыслей у титулярного советника защемило сердце. Впрочем, ненадолго, потому что очень скоро в гостиную вошла Тереза. Как того и требовал этикет, Горский тотчас поднялся. Жена Унгебауэра вежливо поздоровалась и попросила Антона Федоровича еще немного подождать Демьяна Константиновича, который должен был вернуться с минуты на минуты.

– Вы уже, вероятно, знаете, что случилось... – начал вместо обязательных комплиментов судебный следователь. – Поэтому, может статься, ваш муж задержится...

Тереза молча кивнула. В глазах ее читалась немая скорбь, которая присуща всем женщинам, переживающим за своих мужчин. Она присела на диван.

Наконец камердинер принес две чашки кофе. Напиток источал приятное амбре. Кофейный аромат всегда ассоциировался у Горского с чем-то экзотическим и зарубежным, хотя нигде, кроме Китая, он никогда в своей жизни не бывал.

Звонящая пауза повисла в воздухе. Жизнь как будто бы остановилась, а время потеряло своё исчисление. И лишь мерный и монотонный стук часов возвращал полет мыслей с небес на землю.

– Зачем эта... война?.. – спросила вдруг Тереза, чем застала Антона Федоровича врасплох. От неожиданного вопроса титулярный советник поперхнулся и закашлялся.

Он уже открыл было рот, но слова совершенно не желали выстраиваться в стройные фразы. Вместо этого получился невнятный и косноязычный спич, сравнимый с ответом гимназиста, не знавшего урок, но пытавшегося выкрутиться всеми способами.

– Зачем?.. Гм... Сложно объяснить, сударыня... Войны порой случаются... Их никто не ждет, все почему-то уверены, что на их век этой напасти не случится... А выходит каждый раз обратное... Вот и нынче.

– Вот и я также думала... – призналась госпожа Унгебауэр. – И всё же я не понимаю, зачем воевать...

– Тут чисто мужская психология, сударыня, – наконец-то собрался с мыслями Горский. – Если спор невозможно решить компромиссом, в ход идут кулаки. Так у нас заведено с детства. Более того, если с одной стороны прослеживается явное желание драки, она непременно наступит, как бы другая сторона себя ни вела.

– Вы намекаете, что Япония изначально хотела войны?

– Не мне судить, сударыня, я всего лишь говорил о мужской психологии, которой априори присуща агрессия, как одна из форм разрешения конфликтов.

– По-вашему выходит, что лучшие правители – женщины? – едва заметно улыбнулась Тереза.

– Напротив. Женщины, как вид, еще хуже мужчин, потому что чрезвычайно подвержены перепадам настроений. Беда той державе, которую возглавит женщина.

– Да вы большой мизантроп, Антон Федорович, – в шутку проговорила госпожа Унгебауэр. – И, пожалуй, даже мизогинист.

– Вот уж несколько! Я всего лишь не поддерживаю дамскую эмансипацию.

– Но при этом охотно посещали кафешантан при «Имперiale»! – упрекнула его Тереза, несколько не смущаясь своей прежней жизни.

– Поверьте, сударыня, если бы не Демьян Константинович, который только и грезил о вас, я бы никогда там не оказался.

– Гм, и это странно. Почему вы до сих пор не женаты? – любопытствовала госпожа Унгебауэр с каким-то животным интересом.

Ответить на этот вопрос Горский не мог. Но еще более не хотел. Все его соприкосновения с противоположным полом неизменно оканчивались несчастиями, от которых он порядком устал. Да, у него был бурный роман с Анной Лазаревой, прекратившийся столь внезапно, как и начался. Были непонятные чувства к баронессе фон Нолькен, с которыми он, слава Богу, разобрался. Была амурная вспышка с милой и чистой Агатой, дочерью богатого масона. Были и до того «контакты», которые ярко вспыхивали, но быстро угасали, будто шведские спички. Стало быть, таков его, Антона Федоровича, крест. При этом в глубине души он желал наконец найти свою единственную спутницу, которая будет сопровождать его до конца жизни.

Ответил же судебный следователь логично и рассудительно:

– Я, вероятно, пока еще не готов к семейной жизни. Да и служба моя требует иного...

Тереза кивнула, поняв, что развивать матримониальную тему титулярный советник не желает.

Наконец прибыл Унгебауэр. Узнав, что у него гость, лейтенант флота тотчас зашел поприветствовать Горского.

– Антуан! Как я рад тебя видеть! – искренно воскликнул Демьян Константинович, обнявшись с другом. Румянец на щеках придавал ему свежести.

– Как ваша семейная жизнь? – поинтересовался судебный следователь, вспомнив недавнее бракосочетание.

– Не прошло и пяти дней, как началась война! – попытался отшутиться Унгебауэр, не брезгуя черным юмором.

– Именно поэтому я и пришел...

Горский попросил лейтенанта флота рассказать о событиях минувшей ночи и текущего дня. Оказалось, что Демьян Константинович был неплохо осведомлен.

– Броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» торпедированы, то есть в них попали самодвижущиеся мины. Степень серьезности повреждений устанавливается, сроки ремонта пока неизвестны. Узкоглазые каналы атаковали наши лучшие суда! Не иначе как владели диспозицией!..

Унгебауэр резко вскочил с дивана, подошел к буфету. Налил рюмку «Мартеля», осушил залпом, налил еще одну и только тогда опомнился – предложил коньяк гостю – так был взволнован случившимся. Горский отказался и попросил продолжать. Глаза Демьяна Константиновича загорелись дьявольским блеском, с которым хищники нападают на свою жертву. Таким его Антон Федорович не видел никогда.

– Наши, стоит отдать должное, не растерялись, быстро открыли ответный огонь и вскоре прогнали «самураев». Снарядили даже «Новика» в погоню, но куда там!.. Самое поганое, что подбитый и принявший тонны воды «Ретвизан», возвращаясь на внутренний рейд, сел на мель и перегородил собой проход в гавань, существенно сузив фарватер.

- А что слышно о сегодняшнем сражении?
Унгебауэр зловеще ухмыльнулся и ответил через паузу:
- В восемь утра к порту подошли четыре японских крейсера из боевого отряда контр-адмирала Дева. Находившиеся в разведке крейсера «Аскольд» и «Боярин» первыми заметили противника и выступили, чтобы принять бой. Но их почему-то отозвали приказом с «Петропавловска»...
- На «Петропавловске» был сам Наместник? – уточнил Горский.
- Нет, Наместник был на берегу. На «Петропавловске» держит свой флаг командующий эскадрой вице-адмирал Старк. Тот еще скептик...
- Что было дальше?
- Вместо крейсеров отправили на узкоглазых первый отряд миноносцев, но и его вскоре вернули – Старк решил выходить всей эскадрой.
- Чтобы атаковать четыре японских крейсера понадобилось снимать с якоря всю эскадру?.. – смутился Антон Федорович.
- Нет, конечно! Очевидно, что где-то поблизости притаилась основные силы противника.
- Тогда резонно и, пожалуй, смело. Был бой?
- Япошек отогнали и вернулись на внешний рейд. Но к 11 часам дня узкоглазые снова подошли к крепости целой эскадрой из шести броненосцев и девяти крейсеров...
- Зачем нападать днем, когда светло? – полюбопытствовала доселе молчавшая Тереза.
- Узкоглазые всё просчитали, – мгновенно ответил Демьян Константинович с завистью. – В 11 часов дня крепостной артиллерии пришлось стрелять против солнца...
- Стало быть, завязался бой? – догадался судебный следователь.
- Да, – кивнул Унгебауэр и выпил еще коньяку. – Рассказывают, стрельба была такой интенсивной, что всё небо заволочло дымом. Но сперва наши ждали, пока Старк вернется с совещания от Алексева... Наместник очень не вовремя вызвал командующего эскадрой к себе.
- А неужели без Старка некому было командовать?
- Разумеется, было. Флаг-капитан капитан 1-го ранга Эбергардт весьма решительно начал выстраивать суда в кильватерную колонну, но его быстро одернули семафором с берега. Бой без командующего – это чистейший позор последнего.
- А лучше стоять под обстрелом?
- Для командующего эскадрой и для Наместника определенно да, – сардонически оскаллился лейтенант флота. – Как бы то ни было, Старк скоро вернулся и повел эскадру в бой. Артурцы особо выделяют крейсера «Новик» и «Баян», которые не послушались вице-адмирала: вышли из колонны в сторону и на всех парах пошли на сближение с японцами, имея целью атаковать флагман «Микасу», а также броненосные и бронепалубные крейсера. Этот умный маневр позволил отвлечь внимание «самураев».
- А что броненосцы?
- По приказу Наместника били неприятеля в пределах досягаемости береговых батарей. С одной стороны это логично, но с другой – япошки шли растянутым кильватером, то есть можно было как минимум атаковать их конец!
- И каковы итоги боя? Сколько убитых, раненых?
- На флоте, Антуан, в первую очередь считают потери кораблей, – назидательно сообщил Унгебауэр с видом бывалого вояки, что было отчасти смешно, ибо лейтенанту покамест не довелось участвовать ни в одном бою. – Потерь судов ни с той, ни с нашей стороны нет. Но доподлинно известно, что у японцев получил сильный крен один из броненосцев (стало быть, подбит) и на одном из крейсеров вспыхнул пожар. У нас подтопило «Новика», с остальными вроде всё в порядке. Кроме того, сильному обстрелу подвергся порт и город...

Горский на секунду представил, каково это – находиться в городе во время обстрела. Мурашки побежали по коже.

– А теперь, дамы и господа, я расскажу вам о том, что вы прочтете в газетах, но что пока еще для многих неизвестно, – менторски и позёрски заявил Унгебауэр, закуривая сигару. – «Самураи» начали войну задолго до вчерашнего вечера... Еще 24 января эти желтолицые мерзавцы захватили стоявший в Фузане пароход «Мукден», принадлежавший нашему обществу Морского пароходства «К.В.ж.д.»! Вероятно, произвели там высадку своего авангарда. В тот же день в Нагасаки конфисковали еще один наш пароход – «Маньчжурию». Мне также доподлинно известно, что как минимум еще двое русских судов японцы абордировали в Корейском проливе третьего дня. В связи с этим ходят слухи, что Наместник намерен отправить все гражданские суда в Порт-Артур...

– Что это значит, милый?.. – взволнованно спросила Тереза.

– Это значит, что очень скоро мы переедем в Порт-Артур, а меня, скорее всего, командируют на один из боевых кораблей...

Госпожа Унгебауэр закрыла лицо руками. В глазах ее скопились слезы, но она мужественно держалась, чтобы не разрыдаться.

– Есть и еще кое-что, – добавил Демьян Константинович, выпивая очередную рюмку. – Давеча при выходе из Чемульпо (а это, на минутку, свободный корейский порт!) японцы обстреляли канонерскую лодку «Кореец». Ей пришлось вернуться в гавань, где у нас стоял крейсер «Варяг». Желтолицые поставили нашим судам ультиматум: или сдать корабли, или быть уничтоженными прямо на рейде.

– Как подлю!.. – не выдержал Горский.

– А еще называют себя самураями! Вояки хреновы!.. – выругался Унгебауэр.

– И что наши?.. – с опаской спросил Антон Федорович.

– Сегодня днем «Варяг» и «Кореец» приняли неравный бой. Им противостояли 6 крейсеров и 8 миноносцев из эскадры контр-адмирала Уриу. В итоге «Варягу» удалось существенно повредить два крейсера неприятеля и потопить один миноносец. Но и сам наш крейсер получил ряд пробоин и потерял часть экипажа, из-за чего пришлось вернуться в гавань. Капитан Руднев приказал «Варяг» затопить, а «Кореец» взорвать...

– Герои! Настоящие герои!.. – воскликнул взволнованный Горский. Так его поразил самый факт неравного боя.

Тереза вдруг не выдержала – заплакала. Унгебауэр попытался ее успокоить, но всё безрезультатно.

– Что я буду делать, если тебя убьют?.. – шептала она в слезах.

– Меня не убьют, – увещевал Демьян Константинович с какою-то упрямой уверенностью. – Меня еще даже не призвали на боевой флот!

– А что будет с Дальним? – задался резонным вопросом судебный следователь. – Ведь порт совершенно не защищен, а в то же время чрезвычайно удобен для высадки японского десанта.

Унгебауэр посмотрел на него серьезными глазами.

– Наши командиры уж что-нибудь придумают, будь спокоен!

Настало время прощаться. Демьян Константинович проводил друга до передней. У самого крыльца, когда в дом ворвался ледяной январский воздух, он шепнул Горскому:

– Не хотел говорить при Терезе... Вчера вечером к Дальнему подходил отряд из восьми японских миноносцев.

Весь следующий день Горский с тревогой размышлял над тем, как будет производиться защита Дальнего с моря. За сухопутный участок тревожиться не приходилось: Цзиньчжоуский

перешеек хорошо укреплен и в то же время чрезвычайно узок, что практически полностью исключало вариант прорыва здесь японцев. А вот море – иное дело.

Мало того, что в порту не было ни одного форта, так еще и в самом Талиенванском заливе не присутствовал ни один русский военный корабль – всё гражданские транспорты. Можно себе представить реакцию капитанов японских миноносцев, которые давеча не встретили здесь ни единого противника!

Разумеется, японцы постараются в кратчайшие сроки воспользоваться этим упущением. И вот тут главный вопрос: что сможем предпринять мы и как оперативно?..

Проводя привычные допросы по буйствам и кражам, Горский определенно витал в эмпиреях. Ему казалось особенно неуместным и, пожалуй, глупым, отвлекаться на такие несущественные (в сравнении с войной) вещи, как допросы трактирных драчунов. Город в опасности – это нынче главное!

Тем не менее он продолжал задавать механические вопросы, строить логические цепочки, ловить обвиняемых на противоречиях и устраивать им очные ставки. Будто токарь на заводе вытачивал он дела, ограняя их и придавая им необходимую форму для дальнейшего судопроизводства.

Алексея Владимировича напротив – война не волновала. Он был привычно расслаблен, в меру весел и совершенно не утратил, а быть может, и приобрел толику цинизма, которым всё больше пропитывалось русское общество начала XX века. Дальнинцы в те дни, безусловно, тонко почувствовали, что произошло нечто важное, нечто *переломное*. Однако едва ли не все до единого вокруг верили в непоколебимое могущество русского флота и вселенскую силу русской армии.

Вечером Горский снова отправился к Унгебауэру, рассчитывая получить от друга новые сведения о морском противостоянии. Лейтенант Унгебауэр уже находился дома – ужинал морскими гребешками.

Антон Федорович вошел в темную столовую, освещенную единственным канделябром с тремя свечами. Сумерки давно опустились на город, но электрическое освещение в особняке отчего-то не зажигали. Еще более странным показалось то, что Демьян Константинович принимал пищу в одиночестве.

– Я не помешал? – первое, что спросил Горский.

Унгебауэр медленно поднял голову, несколько секунд разглядывал титулярного советника стеклянными от водки глазами, будто не узнавая, и, наконец, воскликнул заплетавшимся языком:

– А!.. Антуан... Прощу к столу, мон шер!..

Судебный следователь сел напротив, чрезвычайно сконфуженный неловкостью момента. Только теперь он разглядел, что кувертов было два. Стало быть, Тереза или уже поужинала, или только собиралась присоединиться к мужу. Унгебауэр тем временем налил Горскому рюмку «хлебного вина».

– Покорнейше благодарю, я пас, – отрезал титулярный советник. – Ты же знаешь, я не пью водки.

– А я пью!.. – с омерзительной иронией заявил лейтенант флота и резко вскинул руку.

Антон Федорович понял, что его друг, будучи донельзя пьян, на серьезный разговор не способен, да и вообще едва ли поведает что-то новое. Кроме того, в таком «газообразном» состоянии он выглядел в высшей степени отвратительно и неподобающе настоящему дворянину.

Горский подыскивал предлог, чтобы уйти, но Унгебауэр будто прочитал его мысли.

– Я понимаю, Антуан, тебе неприятно видеть меня таким... И всё же я вполне способен поддержать беседу. Не уходи...

– Хорошо, – неохотно кивнул судебный следователь. Последние слова Демьяна его убедили.

– Тереза вот предпочла не видеть меня ... – с грустной улыбкой признался лейтенант флота. Заметив на лице друга удивление и отчасти испуг, Унгебауэр поспешил добавить: – Да всё хорошо – она нынче в гостевой спальне. Не желает меня видеть...

– Не пил бы ты...

– Иди к черту! Священник мне тут не нужен.

– А почему не зажжешь электричество?

– Хочу в темноте побыть... Знаешь, еще каких-нибудь полвека назад наши предки вот так и столовались: при свечах. И ничего...

– Ну да. А в Средневековье и вовсе руками ели. Но это ведь не значит, что нам с тобой следует пренебрегать вилками и сидеть в темноте тогда, когда есть электричество. И отчего это ты так надрался?

Унгебауэр ответил не сразу – слова давались ему с трудом:

– Поступил официальный приказ: все гражданские суда передислоцировать в Порт-Артур. Всё, нет больше Морского пароходства К.В.ж.д...

– И что же будет с судами?

– Что-то оставят под транспорт. На «Монголии» уже, например, начали красить борта в белый цвет – ее переоборудую в плавучий госпиталь...

– А ты?

– Весь штат Морского пароходства также вызывают в Порт-Артур. Очевидно, что меня, как действующего офицера флота, рано или поздно призовут на боевую службу, – здесь он вдруг тихо и зловеще рассмеялся.

– Что с тобой?.. – Горский подумал, что его друг начал сходить с ума.

– Господи, Антуан! В глубине души я благодарен этой войне! Да-да, не считай меня за умалишенного! Именно так!.. И пусть не будет более спокойных сытых дней, пусть не будет щедрого жалования, зато я снова стану в строй *боевого корабля*! Я вновь буду *настоящим морским офицером*! И это неизбежно, понимаешь, хе-хе?.. В мирное время меня бы никогда не вернули на палубу военного судна...

Демьян Константинович с презрением поглядел на бутылку водки, но вскоре вновь налил себе рюмку.

– Тогда желаю тебе удачи в боях, – пожал плечами Горский.

– Не стоит! – оскалился Унгебауэр. – Дуракам и пьяницам, как известно, и так везёт, хе-хе! Поэтому за меня не переживай – меня не убьют!

Судебный следователь не ответил. Он не разделял заигрываний с фортуной и тем более не одобрял столь самоуверенные заявления насчет будущего. Одному Богу известно, что с нами будет завтра. Не говоря уже о войне...

– А что слышно об обороне Дальнего? – задал наиболее интересовавший его вопрос Горский. – Мне бы не хотелось увидеть в нашем порту японский флаг...

– Ты его и не увидишь, – гордо парировал Унгебауэр. – Транспорт «Енисей» нынче ставит мины на подступах к Дальнему. Поверь, Талиенванский залив будет надежно защищен.

– А одних мин достаточно? Их разве нельзя пройти?

– Можно... если тралом выловить. Но это мороки много. Да и риск велик...

– Неужто к Дальнему не стянут ни один военный корабль, а лишь ограничатся минами?

– Понимаешь, Антуан... эскадра и так невелика... Если враг ударит большими силами...

Всяко лучше держать флот в защищенном Артуре...

– Тебе не кажется, что это как минимум самонадеянно?

– Нет, я так не считаю, – подтвердил свою точку зрения лейтенант флота.

– А что слышно о... наших потерях в первых боях?

– Больше всех досталось «Палладе». У них, говорят, четыре десятка потери...
– Господи!.. – ахнул Горский.
– Да там всего один убитый, остальные – раненные, – поспешил успокоить Унгебауэр.
– Мне и одного жалко... Наши ведь!..
– Не бывает войн без потерь, – пожал плечами Демьян Константинович. – Общие цифры убитых называют разные, но точно их не меньше десятка. На одном «Ретвизане» пятерых недо- считались...

Горский механически перекрестился. Возвращаясь темной холодной ночью домой, он представлял себе картину гибели русских матросов. Только тогда он начал осознавать, насколько страшна война и как она безжалостна к людям.

Следующим утром Горский проснулся в бодром расположении духа. В присутствии он провел три энергичных допроса, после чего отправился обедать в кухмистерскую.

Кухмистерская была маленькая, а публики собралось много, поэтому двое не имеющих чина из управления градоначальника попросили разрешения присесть за стол судебного следователя. Столуясь рисом с жареной курой, Антон Федорович внимательно наблюдал за беседой случайных соседей, при этом не подавая виду.

Два товарища, один из которых был явно старше другого, с упоением делились мыслями, касательно начавшейся войны. «Молодой», как назвал его Горский, следуя завету Гвоздевича давать каждому объекту наблюдения прозвище, восхищался стойкостью русского флота, отразившего внезапную атаку неприятеля. «Старый» же, хотя и выказывал очевидный оптимизм, но больше уповал на пехоту и артиллерию.

– Какая пехота? – удивлялся юный служащий с искренним непониманием. – Узкоглазые и до Маньчжурии не дотянутся!

– Но они уже в Корее, – резонно отметил «Старый», хотя его возраст едва ли превышал третий десяток. – И, очевидно, будут стремиться отрезать нас от К.В.ж.д.

– Всё, на что способны эти желтомордые – обстрелять Квантун с моря!

– С моря им вряд ли удастся достичь сколько-нибудь вразумительных побед, тут, брат, вся карта будет разыгрываться на суше... А на земле, как известно, нашим нет равных!

Горский вскоре потерял интерес к их беседе. Ему стало понятно, почему оба служащих до сих пор не имеют чинов.

Возвращаясь из кухмистерской в свою камеру, Антон Федорович услышал отчетливый хлопок. Что это было он, разумеется, не знал, но тотчас насторожился, потому что звук исходил со стороны порта.

Подавив в горле внезапно подступивший ком, судебный следователь побрел в присутствии. Нехорошие мысли не покидали его до самого вечера. Идти третий день подряд к Унгебауэру представлялось Горскому моветоном, однако желание узнать источник странного хлопка заставило титулярного советника вновь наведаться в особняк друга. На Угольном проспекте Антон Федорович вновь услышал хлопок, как две капли воды похожий на первый. Пальцы отчего-то сами совершили крестное знамение, хотя причины странных звуков могли быть самыми разными.

Поговорить с Унгебауэром Горскому не вышло. Камердинер, давно знавший судебного следователя, тем не менее холодно и настойчиво заявил, что его господин нынче не принимает и просил не спрашивать почему. Сконфуженный титулярный советник извинился за поздний визит и хотел было уйти, но его окликнула Тереза, появившаяся за спиной камердинера:

– Антон Федорович!.. – и довольно грубо приказала слуге: – Пропусти же его!

– Простите, мадам, я не могу исполнить вашу просьбу, потому что господин Унгебауэр не велел никого впускать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.